

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования
«Московский педагогический государственный университет»

Профилактика экстремизма в системе образования

Сборник материалов Центра профилактики
религиозного и этнического экстремизма
в образовательных организациях
Российской Федерации

Выпуск 3

МПГУ
Москва • 2019

УДК 37.035 (051)
ББК 74.047 : 74.664я52

П84 **Профилактика экстремизма в системе образования:** сборник Центра профилактики религиозного и этнического экстремизма в образовательных организациях Российской Федерации. 2019: №3 (1). — М.: 2019. —97с.

ISBN 978-5-6043040-4-4

Сборник содержит избранные материалы с IV Международного форума «Религия и мир. Религия и цифровое общество», который прошёл 24-25 октября 2018 года при активной поддержке Центра профилактики религиозного и этнического экстремизма в образовательных организациях Российской Федерации. В работе форума приняли участие представители государственных и религиозных организаций, общественные деятели России и зарубежья, представители науки и журналисты.

В сборник вошёл также анализ, подготовленный экспертным советом Центра, трагических событий в г. Крайстчёрч (Новая Зеландия) и на Шри-Ланке,

Кроме того, сборник содержит тематические научные переводы, подготовленные и осуществлённые сотрудником Центра И.С. Анофриевым. Раздел «Переводы» содержит две статьи из фундаментальной англоязычной «Энциклопедии религии» – «Насилие» профессора Фрица Графа и статья «Ненасилие» профессора Марка Юргенсмайера.

Последняя часть сборника содержит программы, отражающие проектную работу Центра.

Мнение авторов может не совпадать с мнением редакционной коллегии

© Центр профилактики религиозного и этнического экстремизма в образовательных организациях Российской Федерации, 2019.

© Коллектив авторов, 2019.

Оглавление

Предисловие	4
Введение	6
Избранные материалы	8
<i>Астахова Л.С.</i> Дело о мемах и репостах: проблема осознанности распространения религиозного экстремизма в сети	8
<i>Деврикян В.Г.</i> Представление произведений церковного искусства с помощью современных цифровых технологий как средство религиозного диалога и сближения	13
<i>Косиченко А.Г.</i> Православие и всемирная сеть: вызовы и возможности	18
Доклад отца Александра Данилова	26
Доклад муфтия Ильдара Аляутдинова	30
Мнения экспертного совета	34
<i>Костылев П.Н., Малафеева М.А.</i> Теракт в Новой Зеландии: эксперты о причинах трагедии, механизмах противодействия и российской действительности	34
<i>Сафронов Р.О., Малафеева М.А.</i> «Кровавая Пасха». Эксперты о терактах в Шри-Ланке	47
Переводы	57
<i>Граф Ф.</i> Насилие	57
<i>Юргенсмайер М.</i> Ненасилие	74
Проектная работа Центра	88
ПРОЕКТ «Адаптационная программа для первокурсников по укреплению гражданской идентичности и межнационального согласия»	88
ПРОЕКТ Повышение квалификации работников высшего образования по направлению «Профилактика этнического и религиозного экстремизма в образовательной среде»	91
ПРОЕКТ «Интеллектуальная молодежная ролевая игра “Пятый элемент”» ..	94

Предисловие

Центр профилактики религиозного и этнического экстремизма в образовательных организациях Российской Федерации был создан по поручению Президента России № Пр-1069 от 26 апреля 2013 г. в соответствии с Комплексом мер по реализации в 2015-2018 годах Комплексного плана противодействия идеологии терроризма в Российской Федерации Минобрнауки России. Приказом Ректора МПГУ № 1112 от 20.09.2017 г. Центр был открыт в структуре Московского педагогического государственного университета.

Основной целью деятельности Центра является укрепление общероссийской гражданской идентичности обучающихся в МПГУ и других образовательных организациях Российской Федерации, профилактика экстремизма и терроризма на религиозной и национальной почве. В число задач Центра вошли:

— профилактика и предотвращение деятельности, направленной на подрыв безопасности государства, разжигание религиозной, национальной и расовой ненависти либо вражды;

— реализация комплекса образовательно-просветительских, информационно-аналитических и организационных мер по профилактике экстремистской деятельности.

Функционал Центра включает в себя мониторинг, обобщение и анализ опыта деятельности в сфере профилактики и противодействия экстремистской и террористической деятельности в высших учебных заведениях; анализ правовой базы по вопросу профилактики и противодействия экстремистской и террористической деятельности; анализ уровня этнорелигиозной напряженности в образовательных организациях и в молодежной среде; обеспечение методическими

материалами учебно-воспитательные и структурные подразделения МПГУ и другие образовательные организации РФ.

Центр проводит образовательные и научные мероприятия, 14 мая 2018 года при Центре был создан Экспертный совет, работает Межведомственная рабочая группа.

Приглашаем коллег, работающих по этой и близким тематикам, принять участие в работе издания Центра – «Профилактика экстремизма в системе образования».

С уважением,

Директор Центра – Константин Ильич Мачабели

Введение

Редакционный совет «Центра профилактики религиозного и этнического экстремизма в образовательных организациях Российской Федерации» рад представить вниманию широкой аудитории третий номер профильного сборника. В свежий номер вошло несколько групп материалов, отражающих работу Центра.

Первая часть сборника содержит избранные материалы с IV Международного форума «Религия и мир. Религия и цифровое общество», который прошёл 24-25 октября 2018 года при активной поддержке нашего Центра. В работе форума приняли участие представители государственных и религиозных организаций, общественные деятели России и зарубежья, представители науки и журналисты. Со стороны Центра в мероприятии приняли участие сотрудники и представители экспертного совета. На площадке форума работали 4 тематические секции: «Диалог религий: противодействие религиозному экстремизму в Сети»; «Опыт работы конфессий в информационном пространстве»; «Интернет как инструмент социального служения»; «Молодёжь и религия – взгляд в будущее». Одной из главных тем форума стала профилактика религиозного и этнического экстремизма в сетевом пространстве.

Вторая часть посвящена работе экспертного совета, который осуществляет свою деятельность при Центре. В данный сборник вошёл анализ трагических событий в г. Крайстчёрч в Новой Зеландии и на Шри-Ланке. Сотрудники Центра сразу же после инцидентов оперативно связались с представителями экспертного сообщества и получили оценку произошедшего. Результатом стали материалы, представленные в сборнике. Эксперты попытались вскрыть возможные причины трагедии и дать событиям адекватную оценку, в том числе через призму профилактики экстремизма, осуществляемой в данный момент в Российской Федерации.

В сборник также вошли тематические научные переводы, подготовленные и осуществлённые сотрудником Центра И.С. Анофриевым. Раздел «Переводы» содержит две статьи из фундаментальной англоязычной «Энциклопедии религии» – «Насилие» профессора Фрица Графа и статья «Ненасилие» профессора Марка Юргенсмайера.

Последняя часть сборника содержит программы, отражающие проектную работу Центра. Ещё одним проектом стала интеллектуальная игра для молодёжи «Пятый элемент», призванная в игровой форме найти решения современным социальным вызовам.

Избранные материалы
IV Международного форума
«Религия и мир. Религия и цифровое общество»

Л.С. Астахова¹,
МГЛУ,
г. Москва

**Дело о мемах и репостах: проблема осознанности
распространения религиозного экстремизма в сети**

В последние годы количество дел, связанных с посадками за активность в социальных сетях, так называемые «мемы», «лайки» и «репосты», растет в геометрической прогрессии. Основные проблемные точки, которые видят за этим правоохранители, и соответствующим образом эти действия квалифицируют, это «экстремизм» и «оскорбления чувств верующих».

Согласно статистике, доля осужденных за экстремистскую деятельность занимает около 10% от общего числа преступлений. В то же время, с января по июнь 2018, как отмечают официальные источники МВД, уже зарегистрировано 80217 зафиксированных дел, совершенных «с помощью компьютерных и телекоммуникационных технологий» [1]. Далеко не все эти тысячи дел связаны с экстремизмом: в справочной литературе под экстремизмом традиционно принято понимать «приверженность к крайним взглядам и мерам (в первую очередь, в политике)». Слово «экстремист» трактуется как человек, придерживающийся «крайних взглядов, сторонник крайних мер» [3].

Преступления, совершенные «с помощью компьютерных и телекоммуникационных технологий» могут включать в себя оскорбления, разглашение личных данных, включая распространение фотографий, токсичное поведение в сети, и другие нарушения пользовательского этикета. Но также

---

¹Астахова Л.С. – доктор философских наук, доцент, заведующая кафедрой теологии Московского государственного лингвистического университета.

верно обратное: значительное число дел связано с осуществлением действий, относительно которого государство вправе наложить санкции. По некоторым оценкам, в 2018 году их число достигнет 1000 уголовных дел «за мемы и репосты»

Анализ публикаций, как и собственный опыт работы судебным экспертом, показывает, что суть проблемы зачастую связана не столько с неопределенностью правовых формулировок, как это часто пытаются продемонстрировать, сколько с недопониманием компонентов того, чем является экстремизм.

Например, с одной стороны, нахождение у человека литературы из запрещенного списка не означает, что он экстремист, однако если есть фоновые причины для обыска, и они созвучны найденной литературе, это может быть основанием для изучения обстоятельств появления подобной литературы.

Однако с другой стороны, незнание закона не освобождает от ответственности. То есть хранение и распространение литературы, находящейся в запрещенном списке, правомерно может быть расценено правоприменителем как нарушение закона.

Аналогичный принцип распространяется на социальные сети: если ранее хранение информации было возможно на бумажных носителях, кассетах (например, фото и видео порнография), то сейчас это перенесено в цифровую форму. Однако социальные сети и вообще интернет характеризуется возможностью мультитиражирования любой информации, неконтролируемого перетекания ее из количества в качество, что неизменно делает эту сферу привлекательной для распространения в том числе экстремистской информации.

Фактически, говоря об осознанности проблемы, имеет смысл не давать определения экстремизма, а операционализировать его, переведя его в понятные и краткие индикаторы, поиск которых и дает возможность интерпретировать деяние (мем, лайк, репост) в том или ином контексте.

Стандартно под экстремистской деятельностью понимаются:

- насильственное изменение основ конституционного строя и нарушение целостности Российской Федерации;

- публичное оправдание терроризма и иная террористическая деятельность;

- возбуждение социальной, расовой, национальной или религиозной розни;

- пропаганда исключительности, превосходства либо неполноценности человека по признаку его социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности или отношения к религии;

- нарушение прав, свобод и законных интересов человека и гражданина в зависимости от его социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности или отношения к религии.

Однако каждый из этих «официальных» пунктов теоретической интерпретации может быть операционализирован, то есть, переведен в совокупность признаков. Признак - это свойства, особенности или их совокупность, на основании которых объект (предмет, явление) отличается и распознается как принадлежащий к определенному классу (множеству) объектов. В данном случае базовыми признаками лиц, в отношении которых совершаются враждебные действия, являются их национальная, расовая, религиозная, социальная принадлежность и т.д.

Так, оправдание терроризма предполагает не только положительные высказывания о совершенных деяниях, но любые позитивные высказывания, говорящие о том, что у терроризма есть положительные стороны. Например, размещенная негативная информация о погибших, поданная в ключе «теракт как воздаяние»; информация о положительной сверхъестественной (например, кармической) связи, возникшей между убийцей и убитыми, которая приведет к пользе для убиенных и т.д. – все это может быть проинтерпретировано.

Поскольку в РФ изменение конституционного строя и целостности могут происходить только путем выборов и референдума, экстремистскими высказываниями являются призывы к революции, к восстанию, к

неповиновению законно избранной власти, а также собственно эта деятельность, названная в уголовном законодательстве вооруженным мятежом [2]. Это нормальная форма защиты государством основ своего строя.

Наибольшей вариативностью обладают посты, связанные с разжиганием вражды, возбуждением социальной, расовой, национальной или религиозной розни. Проблема данного типа преступлений в том, что для доказательной базы важно, чтобы они совершались публично. Однако в ситуации размещения постов и мемов в соцсетях, публичность как раз и является самым привлекательным – это способ изложения своей личной позиции. Однако в то же время, в совокупности, это механизм унижения, неосознаваемый многими.

Анализ интервью, которые давали люди, находящиеся под следствием за перепост и размещение мемов, связанных с религиозной тематикой, показал, что подавляющее большинство, до 90%, из них высказывали таким образом свою антиклерикальную либо атеистическую позицию, не осознавая оскорбительность размещаемой информации. Зачастую, распространяемая информация не касается богословских вопросов: это проблемы социального характера, например, претензии к вмешательству Церкви в политические процессы.

Повышению качества распространяемой информации должно способствовать не репрессивные либо запретительные меры, а разъяснительная работа с молодежью, показывающая принципы и опасности информационного и манипулятивного воздействия, которое может быть осуществлено в социальной сети.

Используемые источники:

1. <http://novosti-online.info/4194-skolko-lyudey-posadili-za-reposty-v-grossii.html> Код доступа – свободный. Дата обращения 10.10.2018
2. О.В. Зеленина, П. Е. Сулонов. Методика выявления признаков экстремизма. Научно-практическое пособие. Екатеринбург, 2009.

3. Ратинов А.Р., Кроз М.В., Ратинова Н.А. Ответственность за разжигание вражды и ненависти. Психолого-правовая характеристика/ Под редакцией профессора А.Р. Ратинова М.: Издательство «Юрлитинформ», 2005.

В.Г. Деврикан¹,
Институт литературы им. М. Абеяна,
г. Ереван

Представление произведений церковного искусства с помощью современных цифровых технологий как средство религиозного диалога и сближения

Подобно тому, как экуменическое движение имеет две ступени – диалог и сотрудничество между различными христианскими верованиями и между различными религиями, - так и религиозное сотрудничество и нетерпимость проявляются двухступенчато. Как бы ни было это достойно сожаления, однако религиозная нетерпимость в ряде случаев проявляется не только в межрелигиозном аспекте, между представителями разных религий, но и в рамках одной веры, в результате догматических противоречий, печальные примеры которых можно наблюдать даже сегодня от Ближнего Востока до Европы.

Обозревая ретроспективу истории, мы видим, что религиозные и основанные на них различия разделяют людей и общество, литература и искусство же объединяют их, независимо от религиозных убеждений. Несколько иначе выглядит ситуация в церковном и религиозном искусстве. Конкуренция здесь автоматически переходит и в сферу вопроса, какая из церквей древнее, с точки зрения архитектуры и иконографии кто на кого повлиял и так далее.

Подобная постановка представляет попытки разделить универсальное церковное искусство, что противоречит не только общечеловеческой сути этих произведений, но и является антинаучной по своей природе.

В противопоставление данным попыткам, классические исследования церковного искусства всегда подчеркивали то обстоятельство, что общность

---

¹Деврикан В.Г. – доктор философских наук; директор Института литературы Национальной Академии наук Республики Армения, г. Ереван.

между творениями искусства в разные века представителями разных религий является не результатом влияния одного на другие, а имеет общие истоки, сформированные в начальный период христианства в иконографическом строе, символике и в средневековой христианской аллегории [1, 2, 3].

Кроме научного обоснования, этот тезис должен быть виртуально представлен как проявление христианского универсализма с помощью цифровых технологий, что, в свою очередь, будет способствовать межконфессиональному сближению и выявлению таких общностей.

Подобное исследование тесно связано с соотношением литературного произведения и художественным изображением [4, с. 38, 5, с. 39].

Занимаясь литературоведением, изучающим средневековую армянскую духовную литературу в контексте общехристианской литературы, а также анализируя саму литературу в рамках междотраслевого исследования, мы вначале провели изучение различных евангельских сюжетов по следующей схеме, которая представлена на примере картин на тему «Тайная вечеря»:

- A. Евангельская история Тайной вечери;
- B. Средневековые толкования этого отрывка Евангелия; [6, с. 10]
- C. Литературные источники изображения Тайной вечери; [7, с. 45]
- D. Первые ее отображения в христианском искусстве;
- E. Средневековые примеры иллюстрации Тайной вечери в восточно-христианском, византийском, в том числе славянском искусстве и русских иконах; [8, с. 41]
- F. Тайная вечеря в армянском искусстве в параллельном и синхронном рассмотрении с общехристианским;
- G. Тайная вечеря в искусстве Ренессанса и знаменитой фреске Леонардо; [9, с. 147]
- H. «Леонардовские» проявления в армянском искусстве предшествующего ему периода.

Естественно, мы не пытаемся утверждать, что на Леонардо повлияло армянское искусство, а показываем те элементы иконографического строя

общехристианского искусства, которые были использованы как в армянском искусстве, так и в живописи Леонардо.

На основании теоретических выводов и исследования изображений по данной теме в нашей книге «Тайная вечеря. От армянской традиции до Леонардо» [10], параллельно научному анализу, уделяя важную роль представлению общностей между различными религиозными верованиями посредством средневековой иконографии, мы сняли пятнадцатиминутный фильм, в котором, с применением современных цифровых технологий, показали общность церковного искусства между различными конфессиями как проявление универсализма во общехристианском искусстве [11].

Сказанное более конкретно будет проиллюстрировано при помощи презентации Powerpoint.

При презентации какой-либо темы в подобных фильмах, для того чтобы подчеркнуть и объяснить межконфессиональные общности, параллельно с армянскими представлены и средневековые изображения разных церквей на данную тему, хотя армянский материал был вполне достаточен для показа и объяснения всех эпизодов этой картины.

То, что было сложно представить технически в рамках книгоиздания, составив макет книги так, чтобы рядом были показаны разные изображения одной и той же темы, не говоря уже о том, насколько дорого стоят такие цветные издания, - это можно представить более выразительно в визуальном отношении при помощи анимационных методов.

Подобные фильмы на русском и английском языках будут иметь довольно-таки большую аудиторию со множеством просмотров. Последователи различных религиозных направлений увидят в этих фильмах свои религиозные произведения на эту тему параллельно с аналогичными изображениями в искусстве разных церквей.

Имея в виду исследования на армянском материале, мы хотим предложить осуществление следующих тематических анимационных проектов,

которые показом таких межконфессиональных общностей посредством искусства способствовали бы их взаимному сближению.

1. Иконографический анализ Новозаветных сюжетов от Благовещения до Успения Богоматери в сопоставлении той же картины в произведениях искусства различных церквей; [12, с. 27]

2. Анализ изображений таких картин, в которых отображены темы Старого и Нового заветов, а также представители различных народов, в качестве гармоничного целого, такие, как;

а) в Преображении – Христос в центре, а по обе его стороны Моисей и Илья, внизу – апостолы Петр, Иаков и Иоанн; [13, с. 29-38]

б) Ветхозаветную Троицу в качестве параллели с Новым заветом, подчеркнув такое толкование отрывка, что все мы сыновья Авраамовы (в качестве апофеоза на эту тему будет представлена известная картина Андрея Рублева);

с) В изображениях Святого Рождества при помощи фрагмента «Поклонение волхвов» показать присутствие на картине всех трех рас человечества как целостную гармонию мира (выдающийся армянский миниатюрист 13-го века Торос Рослин изобразил одного из волхвов в образе монгольского властителя) [14, с. 81-89].

3. Отображение в одной картине нескольких религиозных культур и преданий, как например, в евангельской истории «Бегства в Египет» смешение древнееврейских и раннехристианских традиций с исламской средой (армянские миниатюры на эту тему дают богатый материал для анимационного фильма);

4. Визуальное представление святых одной церкви в искусстве другой: культ Григория Просветителя и его изображения в русской церкви и история Бориса и Глеба в армянской церковной литературе.

В заключение скажем, что наряду с научными исследованиями, посвященными религиозному искусству, большой общественный резонанс и значение будут иметь их популярные анимационные варианты, снятые по

определенному сценарию. Последние не идентифицируются со сканированием иллюстрированных книжных изданий, а при помощи принятых методов цифровых технологий и в различных художественных решениях показывают общности изображений на одну и ту же тему в религиозном искусстве разных народов. Пофрагментно выявляются национально-религиозное своеобразие и общехристианские универсалии. Подчеркивается гармоническое единство различных направлений в рамках христианства в показе всего того, что ведет не к ритуальному и догматическому различию, а к единству посредством языка искусства.

Литература:

1. *Покровский Н.*, Евангелие в памятниках иконографии, СПб., 1892.
2. *Мифы народов мира.* Энциклопедия, М., 1980, 1982, т. 1, 2.
3. *Холл Дж.*, Словарь сюжетов и символов в искусстве, М. 1996.
4. *Кеосеян А.*, Очерки Богословия армянского средневекового искусства, Св. Эчмиадзин, 1985, с. 38.
5. *Лихачев Д. С.*, Поэтика древнерусской литературы, М., 1979, с. 39.
6. *Толковая Библия*, книга III, т. 8, Петербург, 1911, с. 410.
7. *Измайлова Т. А.*, Армянская миниатюра XI века, М., 1979, с. 45.
8. *Успенский Л.*, Богословие иконы Православной Церкви, М., 1989, с. 41.
9. *Алпатов А.М.*, История итальянского возрождения от Данте до Джотто, М., 1958, с. 147.
10. *Деврикан В. Г.*, Тайная вечеря. От армянской традиции до Леонардо, Ереван, 2008, 112 с.
11. *www. Shoghakat. am/hogevor* (Изображение и его толкование)
12. *Schiller G.*, Iconography of Christian art, vol. 2, London, 1972, p. 27.
13. *Devrikyan V.*, Transfiguration and the feast of Vardavar, Yerevan, 2006, p. 29-38.

А.Г. Косиченко¹,
Институт философии, политологии и религиоведения,
г. Алматы

Православие и всемирная сеть: вызовы и возможности

Христианская миссия – для определенности мы будем говорить о православной миссии - может осуществляться в самых разных формах и различными способами. Средства коммуникации совершенствуются в историческом процессе, и вот сейчас на доминирующие позиции вышел интернет, возможности всемирной сети все ширятся и множатся. Возможностями всемирной сети православию не следует пренебрегать. Вместе с тем вполне естественно встает вопрос: как, каким образом и в каких пределах православие может «задействовать» интернет, не утрачивая чистоту веры и не подменяя миссию в интернете бесплодными разговорами вокруг религии, не угодничая перед аудиторией, не идя на поводу у «духа мира сего». Легче всего занять одну из двух крайних позиций: или безоглядно доверять интернету, восхвалять все возрастающие его возможности или безапелляционно заявить о вредности интернета для православия. Взвешенное и реалистическое отношение к данному вопросу требует более глубокого проникновения в сущность проблемы.

Во всемирной сети подкупают, среди прочего, уже сложившиеся аудитории, социальные и возрастные группы, активно пользующиеся интернетом. Взять, к примеру, молодежную аудиторию. Прямая проповедь православия в этой среде малоэффективна. За последние десятилетия идеалы меркантильности и безудержного потребления овладели молодыми людьми в очень значительной мере. Принимаются в основном те ценности и те способы жизни, которые оказываются эффективными в горизонте материального успеха, карьерного роста, комфорта. Религия рассматривается молодежью (в массе

---

¹Косиченко А.Г. –доктор философских наук, профессор; главный научный сотрудник Института философии, политологии и религиоведения Министерства образования и науки Республики Казахстан, г. Алматы.

своей) в лучшем случае как извинительная, пригодная для людей пожилого возраста и оказавшихся на периферии жизни. Религия отыграла свою роль в истории, превратилась в рудимент и утешение для маргиналов. Религия не нужна для жизненного успеха, она бессильна в борьбе за «жизненное пространство», она лишает активности и пассионарности. В таких условиях и при таком подходе религия, действительно, малопривлекательна для многих слоев общества. Вот если бы религия продемонстрировала свою мощь и возможности для достижения успеха в выше обозначенных смыслах, то, да, на нее можно было бы обратить внимание, к ней можно было бы присмотреться. То есть, повторим, прямая проповедь православия и в «живую» и в интернете малоэффективна.

Интернет, на первый взгляд, предоставляет доступ к молодежной среде для донесения до нее истин православия. Уже имеются готовые группы, в том числе и интересующиеся духовной проблематикой. Но присмотревшись, мы увидим, что духовный мир понимается этими группами в основном в его мистических, эзотерических, псевдовосточных проявлениях. Тиражируется и активно обсуждается именно подобная проблематика. Мировые религии и особенно религии авраамические, отличающиеся строгостью и духовной дисциплиной, не в чести у этих аудиторий. Намного легче и удобнее чувствовать свою принадлежность к духовному миру, вроде бы во что-то верить, догадываться о существовании духовных сил, но при этом сохранять за собой право безответственно относиться к требованиям веры и оставаться эгоистом в повседневном поведении. Именно в таком положении находятся люди, и молодые люди в том числе, при их интересе к «вопросам религии» в пространстве интернета. Это, действительно, готовая, сложившаяся среда, но среда малоприспособленная для православной миссии. Ее духовная тяга уже удовлетворена прикосновением к ложно понятым духовным истинам.

Здесь имеется параллель с попытками миссии в среде футбольных и прочих фанатов. Сообщества фанатов – тоже, вроде бы, сложившаяся, готовая аудитория: бери ее и проповедуй, конечно, учитывая специфику этой

аудитории. Но следует понимать, что сообщества фанатов сложились по другому поводу и с иной целью, нежели проповедь религиозных ценностей. Сообщества-то сложились, а насколько они готовы воспринять религиозные ценности? И даже, когда нам представляется, что эти сообщества готовы принять религиозную истину на эмоциональном или сознательном уровне, надо подождать, посмотреть удерживают ли эти сообщества религиозные ценности по истечении некоторого времени, сохраняют ли они, казалось бы, воспринятые чувства, мысли, ценности. Нет, не удерживают, не сохраняют, не укореняются эти идеалы и ценности. Так что вопросы эти очень непростые.

Имеются сферы деятельности православия, и Русской Православной Церкви в том числе, которые более удачны в деле миссии во всемирной сети. Например, сфера социального служения и социального партнерства Церкви с государством. Интернет вполне способен быть инструментом социального служения Церкви, в частности расширения совместных благотворительных проектов и сетевого участия в различных патронажных деяниях. Бесценен интернет и в процессах информационного освещения этой деятельности. Конечно, и здесь надо быть чуткими и отсекавать авантюристические и прожектёрские попытки, а также прямое стремление к наживе, что, к сожалению, имеет место. Но интернет, безусловно, эффективен в данной сфере.

И здесь, однако, не без ложки дегтя. Социальное служение, особенно в современном, озлобившемся до предела мире – дело предельно важное и ценное. Участие в социально значимых проектах воспитывает в людях сострадание и любовь к ближнему. Социальную миссию Церкви вполне можно считать практическим воплощением идеалов православия. Однако сводить миссию православия к его социальному служению нельзя. Римско-католическая церковь уже не одно столетие занимается социальным служением. Что не спасло ее от дальнейшего отхода от догматики христианства. Социальное служение религий имеет тенденцию выхолащиваться в дела светского милосердия. Которые сами по себе тоже хороши, но они далеки от сущности христианства, от задач обожения человека, от цели спасения души для вечной

жизни и обретения Царства Небесного. Мало быть хорошим человеком, надо быть христианином.

И вот если социальное служение религий в интернете допускается, то проповедь сущности христианства в интернете крайне затруднена. Интернет может знакомить с верой. Но веру привить не может. Интернет может, как способствовать знаниям о Боге, так и уничтожать слабые начатки веры: через критику священства, через раздувание его слабостей и пороков, через мнимую клирикализацию государства, да и много еще посредством каких средств.

Традиции православного наставничества исходят из личного общения учителя и ученика. В интернете личностное общение сомнительно, несмотря не «раздевание» себя перед интернетовской аудиторией. В цифровом пространстве личностное общение в духе минимизировано, имеет место диссипация духовного. Можно возразить, что во времена евангельские тоже не всегда общались в духе «уста к устам», но и апостолы писали послания, и не были ли эти послания неким подобием сегодняшнего интернета и сети? Тогда, де, писали письма и послания, а сегодня имеем интернет – тоже средство коммуникации? Лживое рассуждение. То же, да не то. Интернет только на первый взгляд идейно и ценностно нейтрален. Он предоставляет возможности для всего: любой позиции, точки зрения, дискуссии и т.д. Но это чуждое религии пространство. И чем больше различных проблем и тем обсуждается в интернете, чем разнообразнее и всесторонне представлены в нем точки зрения и суждения грамотных и совсем неграмотных людей, тем меньше остается в нем пространства для привития религиозных истин и ценностей.

Имеет смысл несколько отступить от непосредственной темы данной статьи и подчеркнуть, что бездуховна, и, скорее, антидуховна вся сфера, вся продукция так называемых высоких технологий. Массовая продукция высоких технологий вошла в наш быт, стала необходимым элементом нашей привычной жизни, внедрилась в «плоть и кровь» современного общества, стала нашей повседневностью. Каждодневное и широкое использование товаров, произведенных в сфере высоких технологий для массового потребления,

отличается от потребления других товаров. Их потребитель, чаще всего, не имеет представления о принципах работы этих товаров: он использует эти товары, и все. Мало кто знает, на каких принципах работает сотовый телефон, компьютер, даже современный телевизор. Когда человек пользуется тем, сущности чего он не знает, он помещает себя в сомнительное пространство своего существования, которым человек не способен управлять. Тем самым создается поистине виртуальная реальность, соизмеримая с интернетовской (кстати сказать, и интернетовская виртуальная реальность – тоже продукт высоких технологий).

Когда человек существует в реальности, которую он не освоил, сущности которой он не знает, причем масштабы этой реальности расширяются с нарастающей скоростью, это очень опасно: это пространство не одухотворено человеком, а, значит, оно опасно в мировоззренческом и духовном отношении, в нем возможна духовность зла. Приходится констатировать, что высокие технологии, вопреки ожиданиям с ними связанным, принесли человеку не благоденствие, а ощутимую угрозу. Развитие высоких технологий в сфере массового производства в условиях доминирования потребительского мировоззрения и явного ослабления духовности в современных обществах способствует деградации человека и полнейшему разрушению его духовности.

Сказанное вовсе не означает, что не надо пытаться входить в информационное пространство с задачами православной миссии. Но входить надо, не теряя православных истин, интеграция в сеть не должна быть утратой глубины и целостности православия. Следовательно, встает задача «очеловечения», одухотворения как продукции высоких технологий, так и – в нашем случае особо важно – всемирной сети. Одухотворенная хотя бы в малой степени всемирная сеть могла бы быть сферой православной миссии. Но в какой мере возможно одухотворение пространств интернета, и возможно ли такое одухотворение вообще? Ведь сегодня приходится констатировать, что интернет мало того, что не одухотворен, но он бездуховен, причем бездуховен весьма осознанно. Не лишено основания суждение о том, что всемирная сеть

задумана и внедрена как раз с целью разрушения духовного мира человека и общества. Итак, надо задействовать возможности новых коммуникационных технологий. Но все следует делать с духовным разумением. Нельзя принимать условия, на которых функционирует всемирная сеть. Следует помнить отрицательный смысл, вложенный в Евангелии в термин «сеть», тем более – всемирная сеть.

Кроме того, далеко не всякая современная форма информационных потоков обладает способностью быть духовной в позитивном значении. Уж если и традиционные формы общения утрачивают духовное содержание, то всемирная сеть, созданная с иными, прямо противоположными целями, может ли быть одухотворена? На первый взгляд, задача безнадежна. Как одухотворить всемирную сеть? И кто мы такие, чтобы браться за одухотворение сети? Мы греховны и немощны. В таком состоянии сеть не одухотворить. Только сами «расплещем» свой небольшой багаж духовности. Сеть обладает своими жесткими правилами, вхождение в нее принуждает действовать по правилам сети. А правила эти, бесспорно, далеки от христианских.

Кто или что нам мешает одухотворить всемирную сеть, придать ей духовный потенциал и содержание? А сама сеть и мешает. В теперешнем ее состоянии ее нельзя «переформатировать», перепрофилировать, насытить духовным содержанием. Сеть отторгает позитивное духовное содержание, тем более содержание явно религиозное. Для того, чтобы вмешаться в «идеологию» всемирной сети, чтобы хотя бы приступить к переформатированию сети в направлении придания ей некоторой позитивной, христианской духовности надо обратиться к такому способу переформатирования, к такому ее перепрофилированию, какой способен превратить ложь в истину и зло в добро.

Методология такая сегодня формируется в связи с более прагматичными задачами поиска ответов на постоянно множасьщиеся и углубляющиеся общемировые вызовы и угрозы самого разного рода. Контекст этих поисков таков. Современный мир в высокой степени нестабилен, причем нестабилен стратегически. Если еще в середине XX века стабильность являлась

определяющим условием развития и прогресса и на мировом и на страновом уровне, то сегодня возникла необходимость развития в условиях полнейшей нестабильности практически во всех сферах существования человечества. Можно сожалеть об утраченных парадигмах развития, но будет более разумным и оправданным вести поиск новых возможностей развития именно в условиях нестабильности. Глобальная нестабильность на практике и проявляется именно как нарастание вызовов и угроз разного рода и разного уровня в адрес всего мирового сообщества, в адрес каждой страны, в адрес всех сфер человеческой жизнедеятельности.

Обычная реакция на вызовы и угрозы – минимизация потерь от них, попытка избавиться от них и стремление снизить их потенциал. Но этот способ противостояния вызовам и угрозам ущербен, так как он вынуждает только реагировать на вызовы, «плестись в хвосте событий», быть страдательной стороной. Новая методология ответов на вызовы и угрозы состоит не в попытках минимизировать потери от них, но в трансформации вызовов и угроз в возможности развития целых областей экономики, политической сферы, культуры, духовности.

Всемирной сети не следует бояться или игнорировать ее. Она, безусловно, несет с собой вызовы и угрозы, но, как правильно сформулировано в тематике Пленарного заседания нашего форума, всемирная сеть предоставляет и возможности, причем немалые. Превращение вызовов и угроз всемирной сети в возможности, тем более в возможности развития – это лучшая стратегия реагирования на вызовы.

Но легко сказать – превращать вызовы в возможности, а как это делать в каждом конкретном случае? Это большая и отдельная тема, выходящая за пределы данной статьи, но мы обязаны хотя бы кратко осветить ее. Вызов несет в себе проблематику и энергетику той сферы, какой этот вызов касается. Т. е., в вызове уже содержится ответ на сам вызов – надо только рассмотреть этот ответ, раскрыть его, увидеть его позитивное содержание. Возьмем такой пример вызова как бездуховность или даже антидуховность интернета.

Всемирная сеть формирует, концентрирует и аккумулирует массы, настроенные бездуховно. Интернет тиражирует антидуховное отношение ко всему в мире, к человеку, к обществу, к искусству, к жизни вообще. Интернет склонен к резкости, критике, взаимным претензиям, ко лжи, злобе, развязной речи. В нем нет сердечности, редка искренность, глубина мысли – нет всего того, что связано с духовным, с религиозными ценностями. Коль скоро такими средствами достигается бездуховность интернета, то надо насыщать всемирную сеть прямо противоположным содержанием – т.е., добром и любовью, причем насыщать не в борьбе, не протестом, а как указывает ап. Павел, любовью. «Любовь долготерпит, милосердствует, любовь не завидует, любовь не превозносится, не гордится, не бесчинствует, не ищет своего, не раздражается, не мыслит зла, не радуется неправде, а сорадуется истине; все покрывает, всему верит, всего надеется, все переносит» (I Кор. 13,4-7).

В известном смысле интернет отображает более общую картину присутствия христианства в современном мире. Секулярный мир отторгает христианство, с его раздражающей современного человека требовательностью. Вера в Бога понимается сегодня как утрата свободы и бессмысленная жертвенность. Интернет концентрирует это отношение и тиражирует его. Но интернет является реальностью сегодняшнего дня, и Бог попустил эту реальность. Всякое поущение исправляется покаянием и любовью. Поэтому мы можем переформатировать негативную духовность всемирной сети (вызов) в созидание христианской духовности (возможность), но от нас требуется как раз то, от чего современный мир отвернулся: жертвенность и любовь – ими творится христианская действительность, ими зло превращается в добро. Можно подумать, что это еще сложнее, чем изменить интернет какими-то более привычными на сегодня средствами, что любовь и жертвенность – качества святых, до которых нам далеко, однако это не так, и любовь ближе нам и естественнее, чем мы думаем, она – наша сущность, вот только мы об этом забыли. Но если мы хотим быть с Богом, придется актуализировать эту сущность, иначе, зачем нам одухотворять всемирную сеть.

иерей Александр Данилов¹,
Казанская православная духовная семинария,
г. Казань

Доклад отца Александра Данилова

Социальные сети в жизни современного человека

Социальные сети прочно вошли в жизнь современного человека. Сегодня они играют роль не только средства для знакомства и общения. Человек получает образование (к примеру, курсы с выдачей сертификата), находит работу и осуществляет деловую переписку не с помощью электронной почты или бумажных писем, а именно при помощи социальных сетей и различных мессенджеров. Социальные сети также являются практически нерегулируемым источником информации. Десятки миллионов людей имеют как личные так и тематические страницы, которые отражают их политическую, религиозную или другую иную позицию в таких социальных сетях как Facebook, Instagram, LifeJournal и т.п.

Формирование православного сегмента

Процесс вхождения социальных сетей в жизнь Русской Православной Церкви во многом был неизбежен. С одной стороны ряды церковно и священнослужителей постоянно пополняют молодые люди, в жизни которых социальные сети уже давно занимают значительное место. С другой стороны, центральной частью жизни Церкви является проповедь Евангелия людям на доступном для них языке. Сегодня это невозможно полноценно осуществить без социальных сетей.

Позиция недоверия к интернету в рядах служителей Церкви быстро сменилась на здоровый энтузиазм. Возникли просветительские сайты, сайты храмов, епархий, церковных учебных заведений различных уровней, сайты

---

¹ иерей Александр Данилов – преподаватель и секретарь кафедры богословия и философии, заведующий отделением заочного обучения Казанской православной духовной семинарии, г. Казань.

церковных СМИ и т.д. Однако все перечисленное является официальной областью православного сегмента. Гораздо больший интерес вызывают социальные сети, т.к. в они предполагают неофициальный или полуофициальный подходы, а также публичность жизни священнослужителя. Вокруг последнего до сих пор ведутся споры.

Присутствие священника в социальных сетях является необходимым условием церковной миссии в XXI веке. Успех мисси в социальных сетях напрямую связан с открытостью самого священника и его жизни. Официоз и отстранённость только отталкивают молодых людей. Однако споры возникают вокруг вопроса *«на сколько открытой должна быть жизнь священнослужителя в социальных сетях»*. Как именно должно строиться общение священника с другими людьми? Эта проблема до сих пор находится в стадии обсуждения т.к. имеются кардинально разные позиции в рядах самого духовенства.

Православный сегмент в социальных сетях и его развитие

Однако, не смотря на наличие определенных трудностей, а также все еще живущего стереотипа о том, что социальные сети – это бесспорное зло, православный сегмент в социальных сетях продолжает развиваться. Возникают различные проекты, начиная от личных блогов и заканчивая международными проектами. Сегодня уже существует колоссальный опыт различной деятельности священнослужителей в социальных сетях.

Самым частым явлением в православном сегменте является страница храма или самого священника. Прошу не путать это с блогом. Здесь священник просто выкладывает информацию о себе, своей жизни или жизни своего прихода, а также собирает пожертвования на восстановление или содержание храма.

Также часто можно встретить тематические страницы в социальных сетях, которые ведут священники. Они могут быть:

- познавательными и рассказывать о православии, его музыкальном, литературном или духовном наследии

- катехизическими (или образовательными) и преследовать цель воцерковления людей, относящих себя к Православию, но не проявляющих никакой активности.

- апологетическими т.е. посвященными диалогу или дискуссии с представителями других религий

- посвящены борьбе с абортами, алкоголизмом, наркоманией и т.п.

- посвящены семье. Сегодня огромной популярностью среди молодых православных семей пользуются страницы на которых делятся опытом воспитания, опытом устройства семейной жизни.

Отдельно стоит сказать о таком новом явлении как курсы, которые ведут жены православных священников. Часто эти курсы посвящены изучению английского (с ориентацией на православие), устройению быта, православному взгляду на женственность, рукоделию и т.д. Хочется еще раз подчеркнуть, что это курсы, сочетающие в себе как потребности современного человека, так и проповедь Евангелия.

Самой популярной частью православного сегмента является блог священнослужителя или его жены (в некоторых случаях это один блог всей семьи). Стоит отметить, что эта форма миссии претерпела определенную эволюцию. В самом начале это были блоги в которых священники просто постили цитаты из Евангелия или Святых Отцов. Позднее, священники перешли к собственному изложению более доступным языком. Стали появляться блоги с красивым визуальным оформлением и хорошо продуманной структурой. Сегодня трендом последнего времени является личное, живо общение священника с аудиторией или «прямой эфир» в котором священник посвящает какой-либо тематике или просто отвечает на вопросы подписчиков в режиме онлайн. На наш взгляд именно подобный живой опыт полунформального общения со священником имеет наибольший миссионерский успех. При этом священники очень сильно ограничены в способах развития своего блога. Они не могут воспользоваться «нелегальными» способами рекламы, а также должны выдерживать определенные рамки в своих видео и

текстах. Любая ошибка и любой промах может оттолкнуть человека от Церкви или быть использован для очернения Церкви.

До сих пор деятельность священника в социальных сетях, не смотря на огромную пользу для Церкви и Государства, является делом энтузиастов, которые часто не благодаря, а вопреки всему развивают свои блоги, вкладывая в блоги огромные силы, много времени, а также денежные средства. В 99% случаев такая деятельность не приносит никаких доходов. Также, вхождение социальных сетей в жизнь священнослужителя вызывает множество проблемных вопросов, которые до сих пор не решены. Однако, мы надеемся, что наш доклад привлечет внимание к данному явлению и послужит толчком для поддержки деятельности священнослужителей в социальных сетях.

муфтий Ильдара Аляутдинов¹,
Духовное управление мусульман г. Москвы

Доклад муфтия Ильдара Аляутдинова

Современные реалии возлагают на верующего человека значительно большую ответственность и обязанности, чем в прежние времена. К сожалению, сегодня Божественные предписания не всегда находят применение в повседневной жизни обычного человека.

В связи с этим следует вспомнить изречение заключительного Божьего посланника пророка Мухаммада (да благословит его Всевышний и приветствует), в котором говорится: *«Наилучший из людей – тот, кто приносит большую пользу [во всех сферах и для наибольшего числа людей]»*.

Следовательно, одной из основных обязанностей верующего человека является служение обществу.

Социальное служение религиозных организаций, в первую очередь, должно приносить в общество дух единства, сплоченности и поддержки. Организация подобной деятельности требует большого труда, особенно в век информационных технологий, когда для того, чтобы достучаться до сердец, порой нужно пробиться через сети глобального Интернета.

Не секрет, что информационное пространство стало главным инструментом для недобросовестных людей, тех, кто не только ломает жизни отдельных личностей, но и сеет зло во всем мире: это и распространение ложных воззрений, формирование в обществе враждебности, негатива, вовлечение людей в деструктивные культы.

Очень важно суметь сформировать противовес этому явлению. Интернет может стать отличным инструментом социального служения религиозных организаций.

---

¹ муфтий Ильдар Аляутдинов – магистр исламских наук; председатель Духовного управления мусульман г. Москвы; муфтий Москвы, главный имам Московской Соборной мечети.

Во-первых, Интернет – это информационная площадка, благодаря которой люди узнают о деятельности, мероприятиях, проектах и благотворительных акциях, проводимых организацией.

При работе с информационными ресурсами важно поддерживать постоянное обновление новостей, предоставлять только достоверную информацию, а также иметь уникальный контент. Кроме того, важно распространять информацию через социальные сети, это позволит увеличить общий охват целевой аудитории.

Например, на этом основано интернет-продвижение культурного центра «Дар». Центр имеет не только свой собственный сайт, но и страницы во всех социальных сетях, где анонсируются все проводимые образовательные курсы и занятия.

При организации более масштабных мероприятий, как постановка «Разговора с душой», разрабатывается отдельная PR-кампания. В данном случае активно используются фоторепортажи, видеообращения с участием известных людей, а также всевозможные акции и конкурсы.

Данный проект не коммерческий, его основная цель – привлечь внимание людей к проблемам всего человечества. Кроме того, проект является благотворительным, поэтому важно рассказать о нем как можно большему числу людей, следовательно, работа через интернет-ресурсы в данном случае становится основной.

Также хотелось бы отметить значимость видеоотчетов: мероприятие важно не только анонсировать, но и показывать реальные результаты. Фото- и видеоотчеты особенно важны при проведении благотворительных акций.

Во-вторых, Интернет есть обратная связь. Это могут быть и организационные моменты, желание человека принять участие в определенных мероприятиях или же вопросы, связанные с религией. Это значимо, так как, к сожалению, в большом потоке информации очень тяжело отличить достоверную от ложной. Человек должен иметь возможность задать интересующий вопрос авторитетным людям.

В связи с этим на ресурсах ДУМ Москвы запущена специальная рубрика «Вопрос-ответ», где пользователи задают вопросы, связанные с религиозной практикой, и в сложных ситуациях могут обратиться лично к муфтию. В данном случае очень удобным является использование мессенджера Telegram.

Кроме этого, подобная обратная связь позволяет получать отзывы и комментарии по поводу проведенных мероприятий, тем самым выявлять недочеты и в последующем устранить их.

В-третьих, благодаря современным технологиям более эффективной становится работа и в благотворительной сфере, когда человек, не выходя из дома, может оказать адресную помощь нуждающимся.

Сайт благотворительного фонда «Закят» не только знакомит пользователей с проводимыми акциями, а их достаточно много, но и всегда предоставляет отчеты, тем самым его деятельность становится прозрачной и открытой для всех.

Кроме этого, фонд реализует множество международных акций. Многие лишены даже представления о том, какова жизнь там, где идут войны, где люди лишены крова, еды, возможности получить элементарную медицинскую помощь. Поэтому освещение проблем беженцев, жителей африканских стран является приоритетным.

Стоит отметить и работу волонтерского движения «Актив», которое представляет собой группу молодых людей, активно участвующих во всех мероприятиях ДУМ Москвы. В течение года команда посещает детские дома, больницы, дома престарелых и т.д. Благодаря активности в социальных сетях эта команда постоянно увеличивается и растет, вдохновляет многих на добрые дела и поступки.

В-четвертых, Интернет – это донесение до людей основ религии, жизненных ценностей и призыв к благу, пробуждение в сердцах людей добрых чувств, милосердия и сострадания, приближение их ко Всевышнему и познанию Его атрибутов.

В данном пункте важно использовать не только текстовый формат подачи информации, но и фото-, а особенно видеоматериалы. Именно так человек может познакомиться с настоящей жизнью верующих людей, историей своей религии и стать частичкой этого мира.

В этой связи в рамках проекта «Шатер Рамадана» в этом году был снят ряд видеофильмов о пророках Всевышнего, в съемках приняли участие известные личности, актеры и т.д. Сейчас этот цикл активно публикуется в социальных сетях.

Однако как бы Интернет ни был полезен в нашей деятельности, наша основная задача – это донести до людей то, что настоящая жизнь протекает не в гаджетах, а здесь и сейчас, в окружении близких и родных. Человек должен быть обращен к Всевышнему не только словами и мыслями, но и реальными делами и поступками. Благодарность Создателю проявляется, в том числе, и во взаимоотношениях с людьми.

Несмотря на то, что современный мир требует от нас иных инструментов работы, личное человеческое участие всегда останется в приоритете. Личную встречу, личную беседу, личное участие невозможно заменить общением в Интернете. В любом деле должны присутствовать искренность и любовь, которая живет только в реальной жизни.

Мнения экспертного совета

П.Н. Костылев,¹

МГУ имени М.В. Ломоносова,

г. Москва

М.А. Малафеева,²

Центр профилактики религиозного и этнического экстремизма,

г. Москва

Теракт в Новой Зеландии: эксперты о причинах трагедии, механизмах противодействия и российской действительности

В связи с масштабами теракта в Новой Зеландии³ и его возможными вневременными последствиями для всего мирового сообщества, Центр профилактики религиозного и этнического экстремизма в образовательных организациях РФ провел интервьюирование экспертного совета Центра. Целью исследования является выявление основных причин громкого происшествия, а также имеющихся и требующих проработки механизмов предупреждения и противодействия подобным инцидентам в будущем в России и в мире.

В ходе беседы эксперты выразили свои предположения о возможных причинах происшествия, среди которых можно выделить три основных направления:

- ошибочные тенденции государственной миграционной политики;
- новый тип противодействия «исламизации мира»;
- процесс мировой миграции (глобализация, перемещения).

---

¹ Костылев П.Н. – старший преподаватель кафедры философии религии и религиоведения философского факультета МГУ им. М.В. Ломоносова.

² Малафеева М.А. – специалист Центра профилактики религиозного и этнического экстремизма в образовательных организациях Российской Федерации, МПГУ, г. Москва.

³ 15 марта 2019 года в 13:40 по местному времени в городе Крайстчерч, третьем по количеству жителей городе Новой Зеландии, произошел крупный террористический акт – в результате массового расстрела в мечети «Ан-Нур» и Исламском центре «Линвуд» сразу после дневной молитвы было убито 50 человек, еще 48 человек были госпитализированы.

Говоря о государственной миграционной политике, эксперты сошлись во мнениях, что проблема является общемировой. Разница состоит в том, что на Западе мы уже видим не просто трещину, но негативные эффекты проводимой политики. В этом смысле, по мнению экспертов, у России еще есть шанс не повторить ошибки Европы и встать на собственный позитивный путь.

Так, директор Центра развития гражданского общества Государственного университета управления (ГУУ) Андрей Головин заявил, что конфликты возникают на почве разной ценностной базы, на которую накладываются идеологические, религиозные и иные различия в целом в культуре и в частности в поведении людей.

«Почему этот человек проявил такую агрессию? Видимо для него были неприемлемы ценности и поведение тех приезжих людей, которые находились в Новой Зеландии. Ну а конфликт возникает из-за того, что государство, в данном случае Новая Зеландия, которое принимает мигрантов, должно их вводить в культуру, ассимилировать в своей стране. Должны приниматься те или иные правила. То есть не только законодательные правила, а в первую очередь культурные правила: поведение на улице, в повседневной жизни и так далее. Если государство этим не занимается, то со временем негатив накапливается, а терпение у людей заканчивается»

Андрей Головин

По словам члена экспертного совета Центра, в данном случае под государством понимаются те органы власти и люди, которые должны отвечать за вопросы межэтнических и межрелигиозных отношений. При этом Андрей Головин отметил, что проблема может быть решена только комплексным путем. Должны быть задействованы не только миграционная служба, но и органы образования (обучение языку), а так же должна вестись общая просветительская деятельность.

«Это общая ошибка государственной миграционной политики, которая должна учитывать национальные особенности граждан и мигрантов. Даже мы с вами, когда едем в автобусе, то поведение некоторых приезжих во многих случаях для нас неприемлемо. Мы можем терпеть, а можем что-то высказать. Когда же общая государственная миграционная политика в области просвещения не адаптирует приезжающих людей к социальным условиям, то рано или поздно возникает конфликт. Он может быть на бытовом уровне, а может быть и такой, как это произошло в Новой Зеландии»

Андрей Головин

В свою очередь начальник управления по научной работе, профессор кафедры философии религии и религиозных аспектов культуры Православного Свято-Тихоновского государственного университета Александр Саввин отметил, что трагедия может быть связана не просто с провалом миграционной политики, но еще и со стремлением представителей власти скрыть этот провал. В частности это выражается в убеждении простых граждан в том, что актуальных конфликтов не выявлено, а общая ситуация контролируется.

«Очень важен момент публикации манифеста этого стрелка. Это ключевой вопрос, потому что этот человек в своих действиях ссылается на то, что это была реакция на террористические акции в европейских странах, миграционные процессы и миграционную политику Запада»

Александр Саввин

По словам эксперта, если взять за основу корректность изложения фактов и содержания манифеста в СМИ, то можно выявить некоторые особенности поведения и последствий западной миграционной политики. В качестве примера эксперт предложил взять Великобританию. В частности речь идет о

заворе между реакцией политического истеблишмента и населения на процесс миграции в стране. Александр Саввин обратил внимание на то, что еще в 60-е годы запретительные меры по въезду мигрантов в Англию практически были сняты. Это связано с уверенностью самой Великобритании в том, что другие европейские государства испытывают затруднения с трудовыми ресурсами.

«Для того чтобы эту проблему как-то решать, берется направление на политику мультикультурализма и в этой связи постепенно снимаются барьеры на трудовую миграцию. Мы сейчас говорим не только о тех странах, где максимально исповедуется ислам, но и о миграции в принципе. При этом, как следствие этих процессов, мы видим, что в разы уменьшается количество христианских общин, по крайней мере, католических и англиканских, и растут мусульманские общины. По этим данным мы можем говорить, что культурная ситуация в стране очень сильно меняется. То же самое происходит и в других европейских странах: Германии, Франции и так далее»

Александр Саввин

Эксперт добавил, что примеры, когда политики пытались говорить о миграционной проблеме, наглядно показывают негативные последствия таких выступлений для самих политиков. В частности это приводило к изгнанию таковых из партии, лишению всех статусов парламентария. В результате решившиеся на высказывания представители власти становились просто изгоями.

«Естественно, произошедшее в Новой Зеландии — это не первый случай. Есть официальная статистика, которая фиксирует увеличение случаев нападения на мусульманские религиозные общины на территории

Англии как реакцию населения на бездействие властей. Ситуация взрывная»

Александр Саввин

Следующая важная причина, из-за которой новозеландский конфликт приобрел масштабы мировой трагедии, это проявление нового типа противодействия исламизации мира, которое требует отдельного исследования и аналитики. Такую версию предложила для рассмотрения заведующая кафедрой теологии Московский государственный лингвистический университет (МГЛУ) Лариса Астахова.

«Здесь мы видим попытку создания нового типа противодействия исламизации мира, то есть попытка показать, что если вы хотите быть мусульманином, вы должны быть готовы к тому, что мир будет против вас противодействовать определённым образом. Это создание нового уровня террора: террор на террор. Это страх перед исламизацией как страх перед рисками воинствующего ислама и обратный ответ, то есть попытка создать ситуацию, что быть мусульманином — опасно»

Лариса Астахова

По мнению эксперта, любой террористический акт является способом противодействия определенному мнению или политике. Кроме того проявления этого противодействия, терроризма, идентичны как в 100 лет назад, так и сегодня. В современных реалиях существует только одно отличие — новые технологии, которые, естественно, используются в реализации противостояния. В частности речь идет об опубликованном манифесте новозеландского стрелка, который был некоторым предвестником произошедших событий и предупреждением будущих.

«Здесь используется новый механизм реализации, то есть “онлайновое” террористическое действие, которое должно было произвести устрашающий эффект, чтобы люди понимали, что это может произойти в любой мечети и что этот написанный манифест может распространиться в любой стране, во всяком случае, где ислам не является базовой, основной религией. Я бы сказала, что новое здесь именно само позиционирование теракта как противодействия религии»

Лариса Астахова

При этом не стоит сбрасывать со счетов и тенденции мировой миграции в целом. На это обратила отдельное внимание доктор философских наук, профессор, доцент кафедры философии и истории Национального исследовательского московского государственного строительного университета Татьяна Бернюкевич. По ее словам, эти процессы в принципе создают напряженность, замалчивание которой отнюдь не создают положительные тенденции.

«На самом деле, думаю, что есть общемировые тенденции, к которым относится сам процесс мировой миграции: глобализация, миграция, перемещения. Так или иначе, они всегда создают фактор напряжения, даже в такой благополучной стране, как Новая Зеландия, в которой в отличие от, например Германии, миграция достаточно строго регулируется. То есть, нет таких огромных потоков мигрантов и нет политики всеприемлемости»

Татьяна Бернюкевич

Таким образом, можно наглядно увидеть некоторые мировые тенденции, которые сегодня мешают противодействовать проявлениям агрессии. Замалчивание и неверный вектор развития, а точнее стопор, в отношении миграционной политики приводит к трагедиям, которые могли быть

предотвращены еще на этапе зарождения. Однако понимание проблемы отнюдь не является ее решением. Выявление причин роста и проявления этнорелигиозных конфликтов является только первой ступенью предотвращения будущих инцидентов. Так, новозеландская трагедия позволила посмотреть на проблему этнорелигиозного взаимодействия с другой стороны. Вопрос остается только в том, какие именно последствия ожидать миру после теракта, а главное, какие инструменты можно противопоставить появившейся угрозе. В этой связи члены экспертного совета Центра профилактики религиозного и этнического экстремизма в образовательных организациях РФ предложили некоторый спектр направлений по профилактике и предотвращению радикализации этнорелигиозных отношений, основываясь на печальном опыте Новой Зеландии. Среди них:

- мониторинг ситуации на начальном этапе зарождения конфликта;
- просветительская деятельность, направленная на создание полиэтнических и полирелигиозных общностей;
- универсализация правового поля.

Именно за счет мониторинга напряженности в стране можно было предвидеть и предотвратить теракт в Новой Зеландии, так как такого рода трагедии являются уже результатом преодоления точки кипения в конфликте. Такое мнение высказал директор Центра развития гражданского общества Государственного университета управления (ГУУ) Андрей Головин.

«Предотвращение должно быть на самом начальном уровне, а то, что произошло, уже совершенно не является начальным уровнем. Это уже самая последняя стадия конфликта, когда люди друг друга убивают. Вопрос в том, сколько этапов было уже пройдено до этого»

Андрей Головин

Эксперт отметил, что последняя стадия конфликта говорит о том, что на предыдущих этапах государственная политика не сработала и «получилось то,

что получилось». Кроме того в связи с тем, что история вышла в СМИ и, благодаря этому, на мировой уровень, появляются новые угрозы: последователи и повторение. То есть данный случай может служить наглядным примером не только для возможности противодействия, но и путеводителем для сегмента населения, входящего в зону риска и имеющего склонность к девиантному поведению.

«Единственный вариант сейчас — свести на нет тот негатив, который выплеснулся в информационное пространство, показать позитив. То есть, если данный случай является исключением из правил, то нужно показать, как дела обстоят на самом деле. Наладить в СМИ нормальную информационную политику, показать положительные примеры взаимодействия людей разных конфессий, разных религий, разных культур. Кроме того необходимо провести профилактические мероприятия как с коренным населением, так и с мигрантами. В частности необходимо работать с лидерами местных сообществ. Необходимо провести с ними определенную работу и вместе выработать определенные решения возникших проблем. Раз это произошло, значит, есть конфликтная зона, которую сейчас нужно тщательно изучить, провести аналитику и сделать выводы, которые позже будут переработаны в определённую дорожную карту для разных ведомств»

Андрей Головин

При этом не стоит забывать, что кроме социальных и политических аспектов проблемы, есть аспект правовой. Таким образом, при анализе и проведении профилактики по предотвращению инцидентов, схожих с новозеландской трагедией, необходимо добавить и правовую составляющую, уверен судебный эксперт-религиовед Игорь Иванишко.

«Вводится очень простая концепция, которая называется “правосудие одинаковое для всех”. То есть, если ты совершил противоправное действие, ты за него отвечаешь по закону, независимо от родства и занимаемой должности. Ведь сам факт резонанса вызывает не столько само правонарушение, сколько то, что оно происходит безнаказанно»

Игорь Иваншико

Необходимо добавить некоторые свойства, присущие практически всем уже произошедшим мировым трагедиям — отсутствие исследований уже случившихся инцидентов и выводов. По мнению заведующей кафедрой теологии Московского государственного лингвистического университета (МГЛУ) Ларисы Астаховой, это и приводит к повторению трагедий.

«Аналогичные преступления могут быть совершены и против других религий, подхваченные серией недовольных. Вот чего я боюсь! На самом деле, нужны какие-то, и в мировом, и в национальном, масштабе регулирования этих процессов, потому что сегодня это какой-то хаотический процесс. Но в исследованиях нужно учитывать локальные историко-культурные тенденции. К сожалению, этого нет ни в мире, ни в нашей стране»

Лариса Астахова

Из вышесказанного можно заключить, что основным, и возможно единственным, способом противодействия угрозе терактов может быть постоянных многопрофильный мониторинг и анализ ситуации в стране и в мире, а так же масштабная просветительская деятельность, которая должна включать в себя не только проекты по работе с молодежью, но и интеграцию, и ассимиляцию прибывающих в страну мигрантов. При этом нет нужды говорить о смене вектора миграционной политики в России, а только об укреплении

существующего порядка вещей. Однако, несмотря на практически единогласное мнение экспертного сообщества о необходимости исследований, вопрос проработки новозеландского инцидента через призму России сегодня не стоит на первом месте в экспертном сообществе. Можно сказать, это связано с тем, что нет общего мнения, относительно влияния западной политики на миграционные процессы, происходящие непосредственно в РФ. В частности некоторые эксперты уверены в том, что у России не просто свой путь развития в этом вопросе, но и свой опыт, который диктует особенные реалии. Такое предположение высказал в интервью член Комиссии по вопросам патриотического и духовно-нравственного воспитания детей и молодежи Совета по межнациональным отношениям при президенте РФ Алексей Вайц. По его словам, инцидент, произошедший в Новой Зеландии, не имеет никакого отношения к российской действительности.

«Нам здесь не нужно ни с чем бороться. У нас совершенно иные коды. В целом нам повезло, что мы не такие прогрессивные, как они, значит, мы находимся ближе к выходу. Во-первых, у нас общинная культура. Во-вторых, наш ислам совершенно другой. Тот ислам, который сейчас присутствует в Европе со своими мигрантами, это ислам моноэтнический. У нас же ислам полиэтнический. Потому они совершенно другой школы, имеют совершенно другие корни. У нас ханафитский мазхаб, там же ислам, тем более находящийся под эгидой саудитов, более радикальный. В-третьих, у нас вся культура пронизана служению и основополагающий принцип нашей культуры — это совесть. Например, мне ближе совестливый мусульманин, чем бессовестный человек, называющий себя христианином. Так считаю не только я. В-четвертых, не нужно забывать про опыт Советского Союза. Мы за счёт термоядерной спайки, которая обрушилась на нас в свое время в виде военного коммунизма, получили определенную пользу, феномен, за счет которого я

приезжая в Ташкент, в Баку, в Алма-Ату и так далее ощущал себя гражданином огромной страны, чувствовал себя в безопасности»

Алексей Вайц

Отдельно эксперт добавил, что нынешние тенденции заимствования ведут Россию по чужому пути, который будет иметь для страны более тяжелые и масштабные последствия, нежели в Европе. По мнению Алексея Вайца, в сегодняшнем мире утеряна общность, которая замещается компонентой исключительности и является противоположностью жертвенности и именно это способствует выходу конфликтности на такой уровень.

«Жертвенность — это когда я готов принести себя в жертву ради большой идеи. А исключительность — это когда мне должны принести жертву ради моей идеи и положить к ногам. Это два совершенно разных мировоззрения. В этом отношении мы очень сильно протухли, нам нужно развивать свое направление. Однако ничего сейчас не делается. Наоборот мы принимаем, со скоростью летящего на нас экспресса, очень опасную тенденцию. Мы принимаем в себя через раствор толерантности ту самую компоненту исключительности каждой нации. Но мы многонациональная нация. Таким образом, если много народов примут в себя эту компоненту исключительности, то это будет война всех против всех. И мы сейчас идем именно в этом направлении, уверенными семимильными шагами. При этом нельзя забывать, что национальные войны, начавшись однажды, уже никогда больше не прекращаются»

Алексей Вайц

Кроме того, было высказано мнение, что из-за глобализации проектов упускаются локальные процессы, которые в будущем приобретают государственные масштабы. Такое мнение высказала доктор философских

наук, профессор, доцент кафедры философии и истории Национального исследовательского московского государственного строительного университета
Татьяна Бернюкевич.

«Мы как-то очень сильно увлекаемся широкими проектами, общими рекомендациями, а, на самом деле, всё же происходит локально, в отдельном населенном пункте, в отдельном городе, в отдельном регионе. Процесс миграции вроде один и тот же, но происходит он в конкретном месте. Вот эту конкретику мы очень плохо учитываем. И в мировом, и в национальном масштабе»

Татьяна Бернюкевич

В свою очередь, судебный эксперт-религиовед Игорь Иванишко заявил о необходимости учета географических особенностей при проведении исследования. Он отметил, что точное повторение новозеландского конфликта в России быть просто не может даже при совпадении корней конфликта.

«Любая массовая перестрелка в прошлом имела под собой историческую подоплеку, необходимо глубоко исследовать каждый такой инцидент, непрерывно анализировать текущую ситуацию, чтобы не допустить дальнейшей эскалации, перерастающей в бойню. Лучше учиться на чужом опыте, чем наблюдать своими глазами подобную трагедию. Впрочем, у нас в России, по крайней мере, в городах-миллионниках делается очень много в области безопасности граждан»

Игорь Иванишко

Таким образом, можно отметить, что трагедия, которая произошла в Новой Зеландии и унесла десятки жизней, может и должна стать для всего мирового сообщества катализатором исследований, мониторинга и масштабной просветительской деятельности по новым направлениям экстремизма. В

частности мы говорим о необходимости составления нового, так называемого, портрета экстремиста.

Р.О. Сафронов¹

Центр профилактики религиозного и этнического экстремизма,
г. Москва

М. А. Малафеева²

Центр профилактики религиозного и этнического экстремизма,
г. Москва

«Кровавая Пасха». Эксперты о терактах в Шри-Ланке

21 апреля 2019 года в Шри-Ланке произошла серия скоординированных взрывов. Инцидент произошел во время празднования католической Пасхи. Столь масштабному нападению Шри-Ланка подверглась впервые с 2009 года и после окончания гражданской войны. С 23 апреля в стране начал действовать режим чрезвычайного положения. Во вторник, 23 апреля появилась информация, что ответственность за серию произошедших ранее терактов взяла на себя террористическая организация «Исламское государство» (запрещена на территории РФ). Ранее власти Шри-Ланки подозревали в причастности к трагедии местную исламистскую группировку «Джамаат ат-Таухид аль-Ватания» (запрещена на территории РФ). Сейчас они опасаются новых атак, теперь на мечети. Об этом официально предупреждают граждан.

Всего 21 апреля в Шри-Ланке произошло восемь взрывов. Были атакованы три церкви и три отеля. Седьмой и восьмой взрывы прогремели на острове несколько часов спустя. Практически одновременно взорвали пятизвездочные отели Cinnamon Grand, Kingsbur и Shangrila в столичном городе Коломбо. Здесь же прогремел взрыв в одном из храмов. Еще два взрыва произошли в пригороде Негомбо. Еще один взрыв случился 22 апреля в фургоне недалеко от церкви Святого Антония в городе Коломбо.

---

¹ Сафронов Р.О. – специалист Центра профилактики религиозного и этнического экстремизма в образовательных организациях Российской Федерации, МПГУ, г. Москва.

² Малафеева М.А. – специалист Центра профилактики религиозного и этнического экстремизма в образовательных организациях Российской Федерации, МПГУ, г. Москва.

В результате теракта пострадали граждане Великобритании, США, Турции, Дании, Японии, Марокко, Пакистана, Бангладеш, Индии, Нидерландов и КНР. Всего погибло 250 человек, 520 получили ранения. Ранее сообщалось о практически 360 погибших, это было связано с тем, что тела некоторых людей были так изувечены, что их принимали за двух и более погибших. Из находящихся на острове более 100 российских туристов никто не пострадал.

25 апреля 2019 года полиция Шри-Ланки заявила о новом взрыве. Он произошел в районе города Пугода, который находится в 40 километрах от Коломбо. Известно, что взрывное устройство сработало в мусорном баке около здания городского суда. Информации о пострадавших пока не поступала. 26 апреля, в восточной части Шри-Ланки в городе Калмунай прогремели еще три новых взрыва. На сегодняшний день взрывы на острове продолжаются. По всей стране проходят рейды. Президент страны Майтрипал Сирисена подписал указ, запрещающий ношение одежды, закрывающей лицо. В Шри-Ланке действует чрезвычайное положение.

По подозрению к причастности к терактам в Шри-Ланке задержаны более 100 человек, в том числе иностранцы из Сирии и Египта. Непосредственно в совершении терактов участвовали девять террористов-смертников. На данный момент установлены личности восьми из них. Кроме того известны их биографии.

Министр обороны Шри-Ланки Руван Вийевардене назвал «тревожными» некоторые факты о террористах. Так, под стражу взят уважаемый бизнесмен и крупнейший в стране торговец специями, собиравшийся в большую политику. Один из его сыновей устроил взрыв в отеле Cinnamon Grand, его брат осуществил теракт в отеле Shangri-La, а беременная жена брата подорвала себя и своих детей, когда полиция пришла с обыском в ее дом. Кроме того одному из террористов принадлежал медный завод на окраине Коломбо. На этом заводе как раз было изготовлено взрывчатое вещество на основе перекиси ацетона, которое смертники называют «матерью сатаны» за его взрывную мощь. Известно так же, что один из террористов учился в Великобритании и

Австралии на инженера или IT-специалиста. Возможно, это именно он попал на камеру в церкви Святого Себастьяна в Коломбо. Лидером группы смертников считается Захран Хашим — радикальный видеоблогер-экстремист. Он единственный, кто не прятал своего лица.

В общей сложности, по имеющейся информации, атаки готовились около восьми лет. Добавим, что индийские и американские спецслужбы не раз предупреждали власти острова о подготовке теракта. Последнее предупреждение было получено за два часа до первого взрыва. В этой связи возникает все больше вопросов к властям острова.

Представители местных мусульманских общин осудили теракты. Кроме того они призвали к содействию властям.

Добавим, что в отличие от трагедии, произошедшей в Новой Зеландии, мировые религиозные лидеры в этот раз по большей части выбрали молчание. Так, практически полным молчанием отреагировали на теракт представители духовных управлений мусульман. Свои соболезнования выразил только Камиль хазрат Самигуллин, председатель ДУМ Республики Татарстан. Он подчеркнул, что действия террористов должны быть осуждены независимо от того, против кого они направлены. Муфтий Татарстана Камиль хазрат Самигуллин выразил соболезнования родным и близким жертв серии терактов в Шри-Ланке и осудил действия террористов. Заявление духовного деятеля размещено на его странице в Instagram. Камиль хазрат напомнил, что назвал «палачами и варварами» атакующих мусульман в мечетях Новой Зеландии, и добавил, что придерживается аналогичного мнения об устроивших теракты в церквях и отелях Шри-Ланки.

«Не имеет никакого значения, какую веру исповедуют убийцы и их жертвы: гибель людей – эта всегда чудовищная трагедия, и мы яростно осуждаем действия всех террористов, независимо от того, против кого их действия направлены»

Камиль хазрат Самигуллин

Также «жестокое насилие» в Шри-Ланке осудил Папа Римский Франциск в своем традиционном послании и благословении *Urbi et Orbi* («Граду и миру»).

«Я с грустью узнал о нападениях, которые только сегодня, в день Пасхи (21 апреля), принесли траур и боль в некоторые церкви и другие места сбора людей на Шри-Ланке»

Папа Римский Франциск

На имя президента Демократической Социалистической Республики Шри-Ланка было направлено письмо с соболезнованиями от Патриарха Московского и всея Руси Кирилла.

«Террористы избрали объектами своих атак не только жилые и общественные здания, но и христианские храмы, в которых множество верующих собрались для участия в праздновании Пасхи. Прошу передать слова искренних соболезнований родным и близким погибших, а также пожелания скорейшего выздоровления всем раненым. Выражаю надежду, что государственная власть и правоохранительные органы Шри-Ланки сделают все возможное, чтобы не только исполнители, но и организаторы этих кровавых преступлений не ушли от ответственности за совершенные злодеяния»

Святейший Патриарх Кирилл

Отметим, что такая скудная реакция религиозных лидеров насторожила экспертов Центра профилактики религиозного и этнического экстремизма в образовательных организациях Российской Федерации. В частности начальник управления по научной работе, профессор кафедры философии религии и религиозных аспектов культуры Православного Свято-Тихоновского государственного университета Александр Саввин заявил, что молчание не просто настораживает, но порождает целый ряд вопросов и предположений.

«Меня здесь волнует отсутствие бурных обесуждений и осуждения от глав наших мусульманских духовных управлений этой террористической атаки. Вот сейчас я посмотрел, но не центральное ни региональное управления не осудили эту атаку. Тогда возникает очень четкий вопрос, в

связи с чем это молчание? Это очень серьезный вопрос. Я, конечно, понимаю, что террористические акты, угрозы постоянно осуждаются, принимаются соответствующие документы, но тут, при отсутствии заявлений, это знак к тому, что нужно очень серьезно включаться в работу по этому направлению. Здесь больше вопросов, чем ответов»

Александр Саввин

Вместе с тем эксперт отметил, что для мира такие трагедии не являются чем-то новым. Просто в данном случае мы имеем мировой общественный диссонанс.

«Вот смотрите, совершенно «замечательно» индусы и пакистанцы, индуисты и мусульмане друг друга режут, и совершенно не стесняются. Одна волна агрессии порождает другую. Там идет не просто межнациональный конфликт, а идет межрелигиозная война, причем давным-давно. А это просто виток, который выходит на другой уровень»

Александр Саввин

В свою очередь доктор философских наук, профессор, доцент кафедры истории и философии Национального исследовательского Московского государственного строительного университета Татьяна Бернюкевич отметила, что эту трагедию, несомненно, нужно рассматривать в контексте истории формирования на самом острове межконфессиональных отношений.

«На самом деле надо, с одной стороны, смотреть историю самой Шри-Ланки и межконфессиональных отношений. С другой стороны, до этих терактов, насколько я знаю, в самой Шри-Ланке была достаточно спокойная обстановка. Скорее всего, это способствовало возникновению, в том числе и со стороны власти и органов безопасности страны, уверенности, что моменты внутренней напряженности и, может быть, каких-то внешних влияний, которые могли способствовать этим терактам, либо нейтрализованы, либо их уже не существует. Потому что, несмотря на то, что, к примеру, ранее в этом регионе были сложности в отношениях между определенными группами мусульман и буддистов, всё-таки перед

самим террористическим актом явных признаков, предвещающих случившуюся беду, не было»

Татьяна Бернюкевич

Напомним, Шри-Ланка это весьма интересная территория с точки зрения взаимоотношения религий и этносов. Так, данные переписи 2001 года (к сожалению, она затронула только 18 из 25 округов страны) показывают, что 76,7 % населения составляют буддисты тхеравады/хинаяны¹, 7,8% – индуисты, 8,5% – мусульмане, 6,1% — христиане-католики и 0,9% – представители других вероисповеданий. Шри-Ланка определена как 3-я в списке наиболее религиозных стран в мире по состоянию на 2008 год, поскольку согласно опросам Института Гэллага 99% населения страны ответили, что религия составляет важнейшую часть их повседневной жизни.

С точки зрения этнического состава, Шри-Ланку населяет 74,88% сингалов и 11,2% тамиллов. Большинство исповедует буддизм, однако часть населения исповедует христианство (около 6%) и ислам (около 6%).

С прибытием португальцев в Шри-Ланку в XVI веке многие мусульмане преследовались, что заставило их переселяться в горные области в центре острова и на восточное побережье. В наше время мусульмане в Шри-Ланке имеют Департамент по религиозным и культурным делам мусульман, который был создан в 1980-е годы для предотвращения постоянной изоляции мусульманского сообщества от остального населения острова.

Согласно христианской традиции апостол Фома первым прибыл в Шри-Ланку в I веке н. э. Христианское население значительно увеличилось и усилилось только с прибытием первых португальских миссионеров в XV веке. К 1722 году голландские миссионеры смогли обратить 21% населения Шри-Ланки в христианство. Англиканские и другие протестантские миссионеры прибыли в Шри-Ланку уже в начале XIX столетия, когда островом овладели

---

¹ Термины «тхеравада» и «хинаяна» не являются взаимозаменяемыми и даже близкими по значению. «Тхеравада» – это название одной из школ раннего буддизма. Согласно данным текстов, таких школ было более 10, но до наших дней сохранилась одна. «Хинаяна» – это термин, который применяют последователи другого направления буддизма, буддизма «махаяны», для обозначения последователей ранних школ.

британцы. Тем не менее, позиции христианства в Шри-Ланке существенно пошатнулись с концом колониального управления. Современные христиане проживают в основном в северо-западной части острова.

с 1983 по 2009 годы в Шри-Ланке шла гражданская война между центральным правительством и движением «Тигры освобождения Тамил-Ислама», выступавшая за создание независимого тамильского государства. После множества неудач и нескольких перемирий правительственные силы сумели одержать победу над «тиграми». 18 мая 2009 года 50-тысячная группировка правительственных войск Шри-Ланки закончила последнюю операцию в гражданской войне. На севере страны, на полуострове Джафна, после взятия города Муллаиттиву были окружены и ликвидированы основные силы тамиллов.

«Вообще, район Южной Азии (ЮА) в принципе никогда не был спокойным, несмотря на миф том, что на Востоке всё гармонично уживается и толерантность в самом духе Азии. На самом деле на этой территории и в прежние времена разворачивались драматические события, вспомним хотя бы начало XX века с геополитическими интересами и европейских стран, и Китая, и России. Южная Азия никогда не была местом абсолютного социального и этнического спокойствия. Но в последнее время, со второй половины XX века, в плане терроризма и военных конфликтов больше внимания привлекал Ближний Восток. После последних событий мы можем говорить о том, сейчас волна экстремизма смещается в сторону ЮА. Вероятно, нужно искать объяснения путем анализа происходящих на этой территории процессов: миграционных, культурно-коммуникационных. При этом следует отметить, что сегодня это азиатская туристическая Мекка, место, привлекающее к себе сохранившимся своеобразием культур, поэтому выбор Шри-Ланки для проведения террористического акта мог быть связан с ожидаемыми и масштабами трагедии и её резонансом. При этом общим контекстом террористического акта являются социально-

экономические процессы: общее развитие ЮА, наблюдающееся сегодня, инвестиции, которые туда идут из разных стран»

Татьяна Бернюкевич

Необходимо отметить, что специалисты и эксперты практически в один голос говорят о том, что трагедия в Шри-Ланке, это только начало, которое может захлестнуть Азию, а позднее и Россию. При этом стоит отметить, что основные причины терактов достаточно завуалированы. В первую очередь это, конечно, связано с тем, что, несмотря на то, что в Шри-Ланке межрелигиозные конфликты не являются чем-то новым, непосредственно сильных разногласий и стычек между христианами и мусульманами никогда не было. Востоковед-индолог Ольга Пискарева объяснила, что в последнее время у всех на слуху радикальные буддисты, акции которых в том числе приводят к человеческим жертвам.

«Христиане на Шри-Ланке представляют собой очень немногочисленную группу людей. Всех знающих ситуацию на Шри-Ланке, случившиеся события просто повергли в шок. Потому что таких событий на Шри-Ланке уж точно не должно было быть. Конечно же, в первую очередь, приходят на ум конфликты между тамилами и сингалами, двумя главными этническими группами, на которое делится население Шри-Ланки. Последнее время появилось противостояние между буддистами (которыми, в основном, являются сингалы) и мусульманами (некоторые тамилы являются мусульманами), но этих конфликтов было не так много. Сейчас на слуху буддийская радикальная организация «Боду Бала Сена», которая уже провела несколько акций, в результате - были убиты люди»

Ольга Пискарева

Эксперт добавила, что история может получить свое продолжение в Индии. Похоже, что целью терактов была попытка не только расшатать и дестабилизировать ситуацию в самой Шри-Ланке, но также распространить волнения на континент, поскольку среди мусульман очень много тамилы,

которые, в том числе, населяют один из крупнейших штатов Индии — Тамилнад, граничащий со Шри-Ланкой.

«Сами тамилы, люди очень вспыльчивые, их очень легко спровоцировать на всевозможные конфликты, поэтому может сложиться очень опасная ситуация. Также дестабилизация обстановки на Шри Ланке может быть направлена на Китай, крупного игрока на мировой политической арене. К тому же, совсем недавно Шри-Ланка официально передала Китаю в аренду сроком на 99 лет глубоководный порт Хамбантота на своем южном побережье. Многие понимают, и, вероятно, предполагают, что на южном побережье Шри Ланки может появиться китайская военная база, что сильно изменит баланс сил во всем мире»

Ольга Пискарева

Предположение об атаках против Китая поддержал и директор Института стратегических и коммуникационных исследований Имад Ризк (Imad Rizk, director, Isticharia for Strategic and Communications Studies (ISCS)). При этом эксперт уверен, что волна терактов будет продолжаться, но самое страшное, что она может переключиться и на Россию.

«В данном случае удар направлен против Китая. При этом испытывают проблемы, кризис те 14 стран, которые находятся в окружении, в том числе Шри-Ланка, Филиппины, Бангладеш. Происходит экспансия экстремизма в Индонезию. В частности здесь действуют такие организации, как «Хизб ут-Тахрир» (запрещена в РФ) и «Братья-мусульмане». Не верится, что они не связаны и не имеют каких-то ресурсов. Дик Чейни (экс-министр обороны США) в свое время уже говорил, что война с терроризмом в Азии еще не началась. Нужно отметить, что это чистой воды политика. Таким образом, все 14 стран в будущем попадут под экспансию экстремизма. При этом, что произошло на Шри-Ланке, может произойти и в России. Здесь тоже есть маркеры, которые могут показать, что началась экспансия. В первую очередь это

Татарстан, который готов к взрыву. Я уже в течение семи лет говорю об этом»

Имад Ризк

Кроме того, по мнению эксперта, информация о том, что террористы были из благополучных семей и с хорошим образованием, указывает на то, что взрывы действительно были хорошо спланированы и могут иметь не только политический, но и финансовый аспекты.

«Один из террористов обучался в Сомали. Возьмем привычки сомалийских пиратов, как они атакуют. У них есть GPS-позиционирование, они выбирают из многих лодок одну единственную цель и таким образом на скоростных лодках их атакуют. Эти атаки — обычный бизнес. Есть также цели геополитические, а также признаки исламофобского терроризма. В результате террористических актов в три раза выросли страховки. Получается, что каждая копейка окупается сторицей. Ну а кто получил эти деньги? Это банки, страховые агентства. То есть существует связь между страховой компанией и террористическими организациями, которые можно последовательно связать»

Имад Ризк

Главное, что необходимо отметить, произошедшая трагедия, имеющийся опыт и прогнозы на развитие ситуации дают четко понять, что в данном случае необходим глобальный сравнительный анализ и выработка эффективных стратегий по борьбе с экспансией экстремизма и терроризма. Эксперты бьют тревогу и опасаются за Россию, которая сегодня является одним из главных игроков на мировой политической арене, в связи с высокой вероятностью всплеска террористических опасностей. Цель уже названа, остается вопрос в том, сможем ли мы эффективно противостоять нависшей угрозе.

Переводы

Фриц Граф¹,
Университет Огайо,
г. Атенс, штат Огайо, США

Насилие²

Человеческая склонность к насилию проявляется как в отдельных индивидах, так и в группах. Физическое насилие неприемлемо для других индивидов и групп, поскольку оно оказывается несовместимым с их основными правами. В таких условиях люди принимают индивидуальные защитные меры, а общества направляют и обуздывают поток насилия с помощью символических и конкретных противонасильственных действий. С другой стороны, и отдельные индивиды, и группы могут испытывать потребность в насилии; тогда ритуалы и символы облегчают его применение.

Религия является самой действенной из всех символических систем, созданных человечеством. История показывает, что религия и насилие всегда находились в тесном соприкосновении. Подробное описание этого взаимодействия все еще ждет своего автора. Однако в исследованиях отдельных его случаев и даже периодов недостатка нет, тем более, что такие исследования зачастую вызываются к жизни современными событиями. К недавним примерам можно отнести всплеск религиозно мотивированного насилия в 1990-ых годах, отразившийся в Югославской войне и столкновениях между израильтянами и палестинскими арабами. Непосредственные участники и обозреватели считали эти конфликты, по крайней мере, отчасти, религиозными. В это же время стремительно приобретает популярность

---

¹ Фриц Граф – почетный профессор Университета Огайо (США); директор факультета эпиграфики.

² Перевод И.С. Анофриева по изданию: Graf F. Violence // Encyclopedia of Religion/ Lindsay Jones, editor in chief – 2nded, 2005, vol. 14, pp. 9595-9600.

религиозный фундаментализм — христианский и исламский, что также стимулирует рефлексию над взаимоотношением между религией и насилием. Шокирующие нападения на Международный торговый центр в Нью-Йорке и Пентагон в Вашингтоне почти сразу были интерпретированы не только как политические, но и как религиозные акции, что также привело к появлению целого ряда исследований. С другой стороны, обобщения по поводу взаимосвязи религии и насилия очень редки, и все они в известной степени страдают однобокостью. О религии в целом обычно говорится либо с позиций одной из преобладающих в современном мире институализированных монотеистических религий, либо со светских позиций. Но даже такие общие исследования в большинстве случаев также определяются злобой дня, в то время как изучение насилия в политеистических религиях явно страдает от недостатка внимания.

Введение. В рамках предшествующих попыток философской рефлексии насилие помещалось в широкий контекст антропологии или этики. Этологический подход, основанный на предложенном Конрадом Лоренцем определении агрессии как базового биологического импульса (Lorenz, 1959) и ставший одной самых популярных теорий середины XX века, является сравнительно недавним веянием. В начале XXI века изучение социального и политического насилия стало основываться на полемологии и исследовании проблем мира. Возникновение этих дисциплин можно считать одной из форм реакции на Вторую мировую войну; к началу Вьетнамской войны они уже успели набрать силу — в 1959 г. был основан Стокгольмский институт исследования проблем мира (Stockholm International Peace Research Institute – SIPRI), а с 1961 г. выпускается *Journal of Peace Research*. Появление этих исследовательских направлений можно объяснить их перспективой. Работающие в данной области ученые изучают политические и социальные условия, в которых оказывается возможным коллективное насилие, а также ищут способы противодействия ему. Такой подход ставит под сомнение предположение Лоренца о том, что насилие свойственно людям на

биологическом уровне. С другой стороны, религия воспринимается большинством сторонников этого подхода только как социальная или политическая переменная. При этом часто упускаются из виду те полезные выводы, которые можно извлечь из предположения о том, что религия является антропологической константой (Burkert, 1996).

Эвристический (то есть объяснительный) подход предполагает разделение общего вопроса о насилии и религии на три подвопроса: 1) религия может оправдывать насилие, потворствовать ему или даже стимулировать и направлять насильственные действия — таков самый распространенный способ осмысления этой проблемы, подкрепляемый примерами участия жрецов и священников в религиозных войнах или восстаниях; 2) символическое и прямое насилие в ритуалах, текстах и образах может рассматриваться как сущностная черта религии; 3) религия становится целительной силой после того, как акт насилия уже произошел — это является частью ее более общей функции созидания или восстановления социального единства.

Определения. В данном обзоре насилие будет определяться несколькими способами. В общепринятом смысле насилие понимается как физическая сила, направляемая на другого человека с целью нанесения ему телесных повреждений или, в самом крайнем случае, убийства. Это достаточно узкое значение можно легко расширить, если понимать под объектами насилия другие живые существа и материальные предметы. Насилие может предстать в форме спонтанной эмоциональной реакции на провокацию, заранее обдуманного действия или институализированного и ритуализированного акта. Кроме того, без насилия невозможны войны, пытки и юридические наказания. В полемологии понятие «насилие» используется даже в более широком смысле. Йохан Галтунг, первопроходец в области изучения вопросов мира (peace studies), в дополнение к понятию «прямого (физического) насилия» вводит понятие «структурного насилия». Последнее означает неотделимую от всех социальных структур практику принуждения. Принуждение применяется без согласия жертвы и вопреки ее интересам — примером может послужить

эксплуатация рабочих в капиталистической экономике или выдворение иностранцев за пределы какой-либо страны. Эффективность структурного насилия основывается на вполне вероятной угрозе применения прямого насилия (Galtung, 1969).

Третьей разновидностью насилия является «культурное насилие». Оно встроено в культурные институты и защищается ими, а потому создает условия для проявления насилия структурного. Прекрасным наглядным примером может послужить насилие, внутренне присущее трем главным монотеистическим религиям западного мира (Galtung, 1990). Различение прямого и структурного насилия может оказаться полезным, поскольку оно показывает, что прямое насилие не всегда является формой отклоняющегося поведения; напротив — оно есть результат структурного насилия и, таким образом, обязано своим происхождением развитию социальных институтов. Эта взаимосвязь должна иметь особое значение для противников насилия. С другой стороны, культурное насилие может возникать вследствие расширения сферы применения структурного насилия. В контексте функционирования некоторых близко связанных с религией культурных институтов эта ситуация выглядит обычной. Тем не менее, вопрос соотношения религии и насилия должен быть исследован гораздо глубже, чем это было сделано до сих пор (Galtung, 1997-1998). Если же говорить о социальных условиях обычных проявлений прямого коллективного насилия, то большинство исследований сходятся в том, что насилие возникает там, где «политическая власть централизована, недемократична и где большое значение имеет принадлежность индивида к расе, этносу, религии или любой другой культурной группе» (Rummel, 1997, p. 170). В нашем обзоре мы будем рассматривать религию во всех ее формах (не только монотеистических) как один из многих возможных механизмов порождения насилия. При этом мы не ставим задачу доказать, является ли подобная связь между религией и насилием первостепенной.

Религия на службе насилия. Каждое общество расположено к использованию прямого насилия — хотя бы для того, чтобы защитить себя от внешних или внутренних врагов. В развитых обществах государство предьявляет права на монопольное применение насилия. При этом насильственные действия во внутренней политике регулируются и структурируются правовой системой, а во внешней — концепциями войны, среди которых римское понятие *bellum iustum* (т. е. «справедливая война») имеет особый трансисторический статус. В политеистических религиозных системах закон и война охраняются одними и теми же божествами: хороший пример представляют древнегреческие боги Зевс, гарант общественной справедливости, или Афина, покровительница справедливых (*properlyconducted*) оборонительных войн в афинском полисе. В монотеистических религиях и мир, и война находятся в ведении соответствующих единых и единственных богов. Божественное покровительство напрямую выражается в ритуалах, сопровождающих отправление правосудия и ведение военных действий. Война зачастую преподносилась как событие, не вписывающееся в обычный порядок вещей или происходящее за пределами нормального политического пространства. Начало и окончание войны отмечалось особыми ритуалами, вроде спартанских жертвоприношений Артемиде Агротере (Артемиде Охотнице) перед началом битвы или обрядов включения в общество, совершавшихся над вернувшимися домой воинами. (Parker, 2000). Религия определяла границы мирного и военного пространства именно таким способом. Подобной практике крайне редко противопоставлялись ненасильственные или пацифистские теологические концепции вроде буддийской ахимсы. Ранее христианство, некоторое время существовавшее на периферии римской общественной жизни, вполне можно было назвать мирным исповеданием, основанным на ненасильственном учении Нового Завета (Swift, 1979). Все изменилось, когда Римская империя принимает христианство в качестве государственной религии: тогда христианские лидеры столкнулись с необходимостью

осмысления насилия во время войны. Теперь мирянам вменялось в обязанность участвовать в военных действиях, что обосновывалось с помощью Священного Писания и в очень четких формулировках (см., например, 189 письмо Аврелия Августина (354-430)). В отличие от христианства, в иудаизме и исламе никогда не существовало традиции ненасилия, поэтому война создавала гораздо меньше теологических проблем. Тем не менее, и в этих религиях война нуждалась в санкционировании и регуляции. В исламе, в частности, разрабатывается концепция джихада (букв. «усилие веры»), т. е. справедливой войны ради защиты веры (Colpe, 1934; Lewis, 2003).

Несмотря на существование норм, ограничивающих открытое применение насилия, история христианства и, в меньшей степени, ислама наполнена религиозными войнами. Самым ярким примером являются крестовые походы, совершавшиеся не только против арабских государств, но и против православной Византийской империи, а также череда последовавших за Реформацией религиозный войн в Европе, самой крупной из которых была Тридцатилетняя война 1618-1648 гг. Частота откровенно религиозных конфликтов изменила соотношение религии и насилия: теперь религия считается одним из основных источников насилия — по крайней мере, с точки зрения участников подобных конфликтов. В противоположность этой перспективе всегда достаточно просто отыскать экономические и политические причины религиозных войн. В таком случае, главной проблемой будет оставаться степень значимости и искренности религиозной мотивации участников религиозных войн.

Историческая наука прошлого была склонна подчеркивать значимость «рациональных» политических и экономических мотивов. Только в недавнее время религиозная мотивация носителей той или иной традиции стала восприниматься серьезно, а религия перестала рассматриваться как тонкий покров, под которым таятся более значимые движущие силы (Holt, 1993). Эта мотивационная переоценка справедлива и в отношении восстаний и мятежей на религиозной основе, происходивших задолго до возникновения

монотеистических религий. Вражду между жителями двух египетских городов по поводу убийства священных животных (Плутарх, Об Исиде и Осирисе, 72; Дион Кассий, 42.34; Ювенал, сатира 15) или антиримское восстание в Египте, вызванное убийством священного кота неким римским солдатом (Диодор Сицилийский 1.83.8), современные ученые объясняют столкновением политических и экономических интересов, вызванной присутствием римской армии в Египте напряженностью или же опасениями простого народа по поводу неприкосновенности местных традиций. Однако, в любом случае, как египтяне, так и римские власти и позднейшие комментаторы воспринимали и осмысливали эти события с религиозной точки зрения. То же самое верно в отношении направленного против христиан народного негодования в начале нашей эры, которое в конце концов вылилось в серию преследований и гонений, одно из которых произошло в Лионе в 177 г. Недовольство христианами основывалось на слухах об их странных жертвоприношениях и извращенной сексуальности; экономические противоречия определяли ситуацию лишь во вторую очередь: например, когда проповедь Павла стала угрожать благосостоянию эфесских художников по серебру (Деян.,19).

Невысокая оценка религиозной мотивации насилия сменилась серьезным и пристальным интересом историков после публикации в 1973 г. дискуссионной статьи Натали Земон Дэвис о религиозных волнениях во Франции в XVI в. Можно сказать, что секуляризация государств еще больше осложнила проблему. Исследования религиозного насилия во Франции XIX века показали, что одним из следствий Великой французской революции стало «почти полное исчезновение границ между религиозным, социальным и политическим насилием» (Ford, 1998, p. 105). Антиклерикальные выступления против Католической церкви и во имя светского государства действительно смешали религиозное и политическое насилие даже в большей степени, чем антиримские восстания в Египте, вызванные убийством священных животных. В последнем случае насилие применялось против иностранцев, нарушающих,

как казалось, устои местной религии. Во втором же — оно явилось следствием политического стремления обуздать влияние религиозного института.

Насилие как сущностная черта религии. Главная проблема обсуждаемой нами темы состоит в следующем: заключает ли религия насилие в себе или только ассоциируется с ним? Ответы исследователей на этот вопрос варьируются от полного согласия с этой точкой зрения до яростного ее отрицания, но его постановка в таком виде все же кажется слишком упрощенной. Многие религии включают прямо насильственные представления, ритуалы и повествования. В пантеонах политеистических религий обычно находится один или несколько богов-покровителей насилия, которые часто воплощают иррациональную воинскую ярость — например, Арес в Греции или Эрра в Месопотамии. Однако этот тип насилия пугает людей и потому его следует избегать. Гражданское почитание Ареса в Древней Греции было редким явлением; его ненавидели не только люди, но и другие боги (Илиада 5.890). «Поэма об Эрре» повествует о том, что краткое правление этого бога в Вавилоне было наполнено бессмысленным насилием, после которого город пришлось отстраивать заново (Maschinistand Sasson, 1985). Наличие подобных божеств особым образом характеризует мир, где насилие является суровой необходимостью, желательно настолько редкой, насколько это возможно.

Однако, другие мифы повествуют о насильственном деянии как о начале установленного космического порядка. Верховный вавилонский бог Мардук творит мир из тела своего главного врага — богини Тиамат, а люди создаются из крови ее ближайшего соратника и мужа Кингу. В греческой мифологии Зевсу необходимо сначала победить титанов и божественное чудовище Тифона прежде, чем утвердить свою власть над миром (Trumpf, 1959). Согласно одному из возможных толкований новозаветного текста, Бог должен послать своего сына на смерть, сделать его жертвой человеческой жестокости для того, чтобы мог быть установлен новый мессианский мировой порядок. Упорядоченный мир может быть создан только после уничтожения его врагов и вообще всего, что ему предшествовало. Кроме того, новый порядок остается нестабильным,

поскольку нуждающиеся в обуздании враждебные ему силы все еще могут быть активны. Именно поэтому насилие в целях защиты неизбежно становится необходимым; например, индийская богиня Дурга считается могучей убийцей демонов, защищающей мир «всякий раз, как будут случаться бедствия, вызванные данавами» (Деви-махатмья 11.55).

Животные и человеческие жертвоприношения. Концепция насилия ради защиты обосновывает широко применяемую в сельскохозяйственных обществах практику жертвоприношения животных. Жертвами обычно являются одомашненные животные. Жертвователю, как правило, не рассматривает убийство животного как проблему, поскольку оно подготавливает совместную трапезу богов и людей. Более того, в сельскохозяйственных культурах мясо является одним из основных видов пищи. Ритуалы и мифы объясняют и легитимируют общественную практику убийства животных так же, как охоту и войну. Однако, необходимость ритуализации может указывать на существование скрытой проблемы: ритуал и его идеология как раз и должны придать убийству определенный смысл. В определенных случаях ритуальные представления даже свидетельствуют о полном осознании такой проблемы. Например, в некоторых полинезийских обществах жертвенное животное, свинья, никогда не убивается (а иногда даже не поедается) его владельцем, поскольку оно считается «человеческим братом». Тем не менее, сложная система ритуального поведения в принципе позволяет владельцу есть свинину (Lanternari, 1976, pp. 298 – 303).

Мифы, составляющие индо-европейскую идеологию жертвоприношения, повествуют об изначальном убийстве человека (Lincoln, 1991, pp. 167-175). В определенных случаях проблема убийства и необходимость поедания жертвы пересекаются, что может привести к запрету и животных, и человеческих жертвоприношений. Этот запрет, в свою очередь, обосновывает вегетарианство: примерами могут послужить греческие пифагорейские или индийские буддийские и джайнские общины. Здесь животное представляется слишком похожим на человека чтобы допустить его убийство. В большинстве религий, кроме буддизма, отказ от животных жертвоприношений остается

личным выбором каждого; при этом сохраняется возможность переменить этот выбор снова (e.g. Findley, 1987).

Человеческие жертвоприношения как предельная форма ритуального насилия учитываются в идеологии жертвоприношения даже в тех обществах, где они на самом деле не практикуются. Греческие и римские мифы, например, повествуют о совершаемых в древности кровавых человеческих жертвоприношениях, которые затем заменяются менее жестокими ритуалами. Молва, слухи и истории, ходившие в той же культурной среде и фактически санкционировавшие насилие в отношении определенных групп (христиан, иудеев, гностиков, религиозных реформаторов, повстанцев), рассказывали о принесении в жертву детей и даже о каннибализме. Сатанинская паника в 1980-х и 1990-х гг. предполагала точно такую же стратегию с целью провокации (и, вероятно, легитимации) судебного насилия в области частных взаимоотношений (Frankfurter, 2005). В других же культурах (например, в кельтской или ацтекской) практика человеческих жертвоприношений покоится на прочном и богатом концептуальном фундаменте. В определенных случаях необходимое насилие воспринимается очень серьезно, что предполагает замену человеческой жертвы животным (Lincoln, 1991, pp. 176-207).

Далеко не все современные теории жертвоприношений животных уделяют внимание насилию как основе этой практики. Наиболее известные попытки осмысления данной проблемы относятся к 1972 г. — это работы Буркерта и Жирара, основанные на более общем культурологическом подходе к насилию. Несмотря на то, что Буркерт и Жирар называют разные источники практики животных жертвоприношений (охотничьи ритуалы у Буркерта и ритуалы «жертвы отпущения» у Жирара), они приходят к одинаковым выводам о функции насилия в ритуалах жертвоприношения — ритуальное убийство живого существа канализирует присущие обществу насилие и как бы обезвреживает его. Религиозные акты не обходятся без насилия именно потому, что насильственный потенциал уже заложен в людях; религия же предлагает символический способ его обуздания и разрядки. В то же время, другие ученые

высказали сомнение по поводу предпосылок данных теорий (Hamerton-Kelly, 1987), и споры продолжаются. Суть альтернативных теорий заключается в том, что религия ни содержит, ни возвращает насильственные установки, но является мощным инструментом их нейтрализации.

Проблемы, сопровождающие обсуждение насилия в трех основных монотеистических религиях (иудаизме, христианстве и исламе), более запутаны и противоречивы. Современные критики подчеркивают, что потенциально насильственными эти религии делают два сущностных признака монотеистической веры: откровение и универсализм. Свидетельство откровения приводит к конфликту с теми, кто отвергает его истинность, а универсализм предполагает миссионерскую активность (Galtung, 1997; Assmann, 2002). Обозначенные следствия вовсе не являются неизбежными; исповедание откровенной истины приводит к конфликту только тогда, когда провозглашение альтернативной истины начинает угрожать одной из групп-носителей откровения или сразу обеим. Собственно столкновение между религиозной системой Римской империи и ранним христианством произошло, когда христианский бойкот жертвоприношений императору стал рассматриваться как угроза божественной защите государства (Fox, 1986, pp. 452-455). Римская католическая церковь конфликтовала с другими христианскими общинами (например, с монтанистами) или с последователями языческих культов (Fogel, 1993), поскольку их верования и ритуалы могли поколебать церковную монополию на истину.

В любом случае, реальность всегда оказывается сложнее обычного конфликта между религиозными системами. Современные исследователи воспринимают конфликт личностных установок столь же серьезно, сколь и политические и экономические причины актов насилия. Например, вера монтанистов в харизматическое пророчество угрожала уже установившейся церковной иерархии (Trevett, 1996). Подчеркнем еще раз, что, если носитель традиции придает насильственным поступкам религиозную мотивацию, мы должны воспринимать его намерения буквально. Террористы, атаковавшие

США 11 сентября 2001 года, хотели, чтобы их религиозные мотивы воспринимались серьезно; того же хотели и мормонские фундаменталисты, придававшие смерти «нечистых» жен (Kraakauer, 2003). Как бы ни сильна была исламская традиция избегания конфликтов с немусульманами, исламский фундаментализм (в том виде, в каком он был разработан в Египте начала XX в.) противостоял западным ценностям именно на религиозных основаниях (Ali, 2002). То же верно в отношении реакции западного фундаментализма на модернизацию общества.

Религиозное воображение и насилие. Вдохновенным религиозным воображением повествованиям и образам обычно уделяется много внимания. В каждом обществе есть традиционные (или даже священные) повествования о насилии, творимом богами, демонами, героями и предками. Большинство этих историй содержит положительную оценку поступкам персонажей или же рассматривает их как необходимость — мы видим это в мифах о сотворении мира или в легендах о борьбе со сверхъестественными или человеческими врагами. Даже если насилие обращается против члена собственной группы, в итоге сюжет приводит к позитивному концу — например, в рассказах о распятии Христа или о смерти христианских, иудейских или мусульманских мучеников. Другой тип одобряющих насилие повествований можно найти в апокалиптических текстах, начиная с составленной во II в. до н.э. «Книги Еноха» и заканчивая серией современных фантастических романов «Оставленные», пользующейся огромной популярностью среди американских христианских фундаменталистов начала нынешнего столетия. В апокалиптических пророчествах насилие предстает предохраняющим от греха средством или как инструмент миссии и обращения. Мартирологи (цитирование которых являлось составляющей раннехристианской литургии) вдохновляли слушателей сносить преследования и сопровождающее их насилие ради сохранения веры. Однако любую историю можно пересказать и по-другому; тогда истории о насилии, при определенных обстоятельствах, могут порождать реальное насилие (Ludemann, 1997; Ellens, 2004, vol. 1). С

другой стороны, тексты далеко не всегда оказывают прямое влияние на поведение точно так, как это было во время религиозных войн во Франции, когда казни и пытки воспроизводили некоторые детали, упомянутые в апокалиптических повествованиях (Crouzet, 1990).

Ранние христиане нередко провоцировали римские власти, демонстрируя пассивно-агрессивное поведение, дабы претерпеть мученичество за веру. Теологически более спорными являются совершаемые с той же целью акции палестинских смертников, в которых активное насилие направлено как на окружающих, так и на самих исполнителей. Церковные следователи проецировали на подозреваемых в колдовстве собственные представления о демонической одержимости, чтобы за счет своих жертв удовлетворить склонность к карательному насилию (Frankfurter, 2005). Причины «темной стороны» религии очень сложны, но решающим фактором оказывается традиция чтения и осмысления священных книг с целью найти модели религиозно (и, следовательно, этически) правильного поведения. Именно такой способ прочтения является основополагающим для христианского, мусульманского и иудейского религиозного образования. Отрицание того, что некоторые повествования, принятые за искомую модель, побуждают к насилию или даже утверждение, будто священные книги содержат по крайней мере столько же историй, воспитывающих ненасилие, сострадание и любовь, служит только апологетическим целям. Исследователь же пытается проанализировать, почему тот или иной тип рассказов оказывается более предпочтителен при определенных обстоятельствах, в определенную эпоху и с точки зрения определенных харизматических лидеров, а также почему дремлющий насильственный потенциал религиозного воображения актуализируется в конкретных обстоятельствах в конкретное время. Весьма поучительный пример представляет одна из самых насильственных символических систем — тантризм, который в своей тибетской разновидности оказался весьма действенным руководством по достижению полнейшего аскетического спокойствия (Huntington and Bangdel, 2003). При этом бенгальский тантризм

стал идеологическим фундаментом политического насилия во время борьбы за независимость Индии: тантрическая богиня Кали воплотила агрессивный повстанческий образ Матери-Индии (Urban, 2003, pp. 73-133).

Религия и прекращение насилия. Религия играет важную, но до сих пор почти не исследованную, роль в преодолении насилия. С одной стороны, существуют ритуалы, отмечающие окончание длительных периодов насилия, например — войны. Очистительные обряды и ритуалы благодарения заново встраивают вернувшихся с битвы воинов в структуру мирного сообщества; схожее символическое значение сохраняет современный обычай звонить в колокола и проводить праздничные богослужения во имя мира.

С другой стороны, религия задействована в устранении последствий конфликтов. В начале XIX века французские католические проповедники не давали угаснуть памяти о временах террора, инсценируя шествия, воспроизводящие путь выдающихся жертв революции на гильотину. Официальной целью этих ритуальных процессов было воспоминание об актах насилия, их признание и искупление. Согласно католическому учению, прощение и искупление возможно только после покаяния, а покаяние предполагает сохранение памяти о греховном деянии, даже если такое воспоминание противоречило официальной в период Реставрации Бурбонов политике *oubli* («забвения») (Kroen, 1998). После кровопролитной гражданской войны в Зимбабве в 1980-х гг. представители официальной Католической церкви и местных традиционных религий были весьма озабочены проблемами исцеления. Согласно традиционным представлениям, насилие высвобождает агрессивно настроенные души убитых, поэтому католические экзорцисты, местные гадалки и медиумы объединили свои усилия (Ranger, 1992, pp. 705-706). Выходящие за рамки повседневности ситуации, которые мы наблюдаем во Франции начала XIX в. и в Зимбабве конца XX в. после периодов необычайно интенсивного насилия, способны порождать новые ритуалы внутри традиционной обрядовой матрицы. Точно такая же динамика прослеживается и в других случаях; например, крестьянские общины в Андах восприняли «новые

идеи практики ... перекликающиеся с воспоминаниями о древних обычаях» после восстания Sendero Luminoso («Сияющий путь») (Gamarra, 2000, p. 286). По всей видимости, большинство сообществ способно справляться с «обычной» интенсивностью и формами проявления насилия с помощью традиционных символических систем. Что касается экстраординарного насилия, вызванного, например, долгими и жестокими гражданскими войнами, то для придания ему смысла требуется адаптация символического языка.

Библиография

Ali, Tariq. *The Clash of Fundamentalisms: Crusades, Jihads, and Modernity*. London and New York, 2002.

Assmann, Jan. *Die Mosaische Unterscheidung oder der Preis des Monotheismus*. Munich, 2003.

Bowersock, Glen Warren. *Martyrdom and Rome*. Cambridge, U.K., 1995.

Burkert, Walter. *Homo Necans. Interpretationen alt griechischer Opferriten und Mythen*. Berlin, 1972.

Crouzet, Denis. *Les guerriers de Dieu: La violence au temps des troubles de religion*. Seyssel, France, 1990.

Davis, Natalie Zemon. "The Rites of Violence: Religious Riot in Sixteenth-Century France." *Past & Present* 59 (1973): 51–91.

Ellens, J. Harold, ed., *The Destructive Power of Religion: Violence in Judaism, Christianity, and Islam*. 4 vols. Westport, Conn., 2004.

Findly, Ellison B. "Jahangir's Vow of Non-Violence." *Journal of the American Oriental Society* 107 (1987): 245–256.

Fogon, Marie Therese. *Die Enteignung der Wahrsager: Studien zum kaiserlichen Wissensmonopol in der Spätantike*. Frankfurt, Germany, 1993.

Ford, Caroline. "Violence and the Sacred in Nineteenth-Century France." *French Historical Studies* 21 (1998): 101–112.

- Frankfurter, David. *Structure of Evil*. Princeton, N.J., 2005.
- Galtung, Johan. "Violence, Peace and Peace Research." *Journal of Peace Research* 6 (1969): 167–191.
- Galtung, Johan. "Cultural Violence." *Journal of Peace Research* 27 (1990): 291–305.
- Galtung, Johan. "Religions, Hard and Soft." *Cross Currents* 47 (1997–1998).
- Gamarra, Jeffrey. "Conflict, Post-Conflict and Religion: Andean Responses to New Religious Movements." *Journal of Southern African Studies* 26 (2000): 271–287.
- Girard, Rene. *La Violence et le Sacre*. Paris, 1972.
- Goodman, Martin D., and A. J. Holladay. "Religious Scruples in Ancient Warfare." *Classical Quarterly* 36 (1986): 151–171.
- Hamerton-Kelly, Robert G., ed. *Violent Origins: Walter Burkert, Rene Girard and Jonathan Z. Smith on Ritual Killing and Cultural Formation*. Stanford, Calif., 1987.
- Holt, Mack P. "Putting Religion Back into the Wars of Religion." *French Historical Studies* 18 (1993): 524–551.
- Huntington, John C., and Dina Bandel. *The Circle of Bliss: Buddhist Meditational Art*. Columbus, Ohio, and Chicago, 2003.
- Krakauer, Jon. *Under the Banner of Heaven: A Story of Violent Faith*. New York, 2003.
- Kroen, Sheryl T. "Revolutionizing Religious Politics during the Restoration." *French Historical Studies* 21 (1998): 27–53.
- Langlois, Claude. "De la violence religieuse." *French Historical Quarterly* 21 (1998): 113–123.
- Lanternari, Vittorio. *La grandefesta. Vita rituale e sistemi di produzione nelle societa tradizionali* (1959). Bari, Italy, 1976.
- Lewis, Bernard. *The Crisis of Islam: Holy War and Unholy Terror*. New York, 2003.

Lincoln, Bruce. *Death, War, and Sacrifice: Studies in Ideology and Practice*. Chicago, 1991.

Lorenz, Konrad. *Das sogenannte Böse: Zur Naturgeschichte der Aggression*. Vienna, 1963.

Ludemann, Gerd. *The Unholy in Holy Scriptures: The Dark Side of the Bible*. Louisville, Ky., 1997

Maschinist, Peter, and J. M. Sasson. "Rest and Violence in the Poem of Erra." *Journal of the American Oriental Society* 103 (1985): 221–226.

Parker, Robert. "Sacrifice and Battle." In *War and Violence in Ancient Greece*, edited by Hans van Wees, pp. 299–314. London, 2000.

Perez Jimenez, Aurelio, and Gonzalo Cruz Andreotti, eds. *La religion como factor de integracion y conflicto en el Mediterraneo*. Madrid, 1996.

Ranger, Terence. "War, Violence and Healing in Zimbabwe." *Journal of Southern African Studies* 18 (1992): 698–707.

Rummel, Rudolph J. "Is Collective Violence Correlated with Social Pluralism?" *Journal of Peace Studies* 34 (May, 1997): 163–175.

Swift, Louis J. "War and the Christian Conscience. I: The Early Years." In *Aufstieg und Niedergang der Römischen Welt 2:23:1*, edited by Wolfgang Haase, pp. 835–868. Berlin, 1979.

Trevett, Christine. *Montanism: Gender, Authority, and the New Prophecy*. Cambridge, U.K., 1996.

Trumpf, Jürgen. "Stadtgründung und Drachenkampf." *Hermes* 86 (1958): 129–157.

Urban, Hugh B. *Tantra: Sex, Secrecy, Politics and Power in the Study of Religion*. Berkeley, Calif., 2003.

Ненасилие²

Можно сказать, что почти в каждой религиозной традиции наличествует запрет на отнятие человеческой жизни. Библейская заповедь «Не убивай» (Исх. 20:13)[1], считающаяся непреложной в иудаизме и христианстве, отражается в Новом Завете (Мф. 5:21) и, кроме того, в Коране: «Не убивайте душу, которую запретил Аллах» (6:151). В буддийской традиции первое из Пяти правил обучения, которые считаются частью Восьмеричного Пути праведной жизни, касается запрета убийства. В джайнских текстах утверждается, что «если кто-либо отнимает жизнь ... его грех увеличивается» (Сутра—кританга 1.1); то же самое суждение мы встречаем в индуистской литературе: «...убиение живых существ несовместимо с пребыванием на небесах» (Законы Ману 5.48).

Несмотря на то, что религиозные традиции согласны друг с другом относительно аморальности убийства, существует значительное количество внутренних и внешних разногласий по поводу нескольких ключевых моментов: 1) как именно оправдывается запрет на отнятие жизни; 2) при каких обстоятельствах этот запрет можно обойти; 3) должен ли применяться этот запрет в отношении каждого живого существа; 4) подразумевает ли он непричинение иного вреда, кроме физического; 5) насколько существенным и важным этот запрет считается в каждой конкретной традиции.

Сравнительное исследование представлений о ненасилии затрудняется также и тем, что в каждой культуре и в каждом столетии используются разные понятия для обозначения ненасильственных поступков и установок. Термины «*пацифизм*» (pacifism) и «*ненасилие*» (nonviolence) – неологизмы в английском

---

¹ Марк Юргенсмайер – почетный профессор Калифорнийского университета в Санта-Барбаре (США), профессор глобальных исследований, профессор социологии, профессор кафедры религиоведения.

²Перевод И.С. Анофриева по изданию: Juergensmeyer M. Nonviolence // Encyclopedia of Religion/ Lindsay Jones, editor in chief – 2nded, 2005, vol.10, pp. 6645-6649.

языке. Слово «ненасилие» является переводом санскритского слова «ахимса» (букв. «непричинение вреда»); оно вошло в разговорный английский только в XX веке в связи с популярностью Мохандаса Ганди и его подхода к решению конфликтов. Эта концепция имеет соответствия в религиозных традициях всего мира, хотя полнота ее значения, безусловно, раскрывается только в индийских религиях.

В нижеприведенном обзоре концепций ненасилия в религиях мира мы будем рассматривать это понятие в трех основных смыслах:

1. Ненасилие как внутреннее состояние или установка на мирное поведение и почитание жизни. Этот смысл непосредственно реализуется в джайнизме, буддизме и индуизме в понятии ахимсы. Схожие установки можно обнаружить в некоторых африканских и американских племенных обществах и в некоторых христианских общинах (например, у квакеров).

2. Ненасилие как идеал социальной гармонии и мирного существования. Ненасилие в этом понимании реализуется в древнееврейском термине *шалом* и исламском *салам*. Кроме того, в Древней Греции некоторые боги, например Деметра или Аполлон, являли собой преимущества мирного существования. Этот же смысл заложен в образах прекрасного будущего в христианской традиции и в некоторых племенных религиях.

3. Ненасилие как способ реакции на конфликтную ситуацию. Имеется в виду ненасильственное отношение к своим противникам, даже если они находятся в положении угнетателей. Этот смысл подразумевался в христианской концепции жертвенной любви, примерах мученичества в иудаизме и методе ненасильственного конфликта Ганди.

Древняя Индия. В Ведический период индийской истории представление о ненасилии фактически не существовало. Культура этого времени основывалась на ценностях военного общества, что обуславливало, например, повсеместное употребление животных в пищу и использование их в ритуалах жертвоприношений. Ведические повествования о богах изобилуют

описаниями сцен насилия, ярости и битв; таким же образом боги описываются в великих эпических поэмах.

Первое упоминание о ненасилии как моральной добродетели содержит Чхандогья-упанишада (3.17.4): использованное здесь слово «*ахимса*» означает самопожертвование и самоограничение. Позднее, в Йога-сутре соблюдение ахимсы предъявляется как обязательное требование к каждому, кто желает быть допущенным к практике йоги. В процессе своего дальнейшего развития представление о ненасилии оказывается связанным с другой важной концепцией Упанишад — верой в *карму*, предполагающей, что совершенные человеком поступки и используемые им установки поведения окажут влияние на статус и форму его следующего рождения. При этом действия и установки, направленные на уничтожение чужой жизни оказывают особенно отрицательное влияние. В таком виде концепция ахимсы в VI в. до н.э. становится важной составной частью учений оппозиционных официальному брахманизму наставников: Махавиры, фактического основателя джайнизма, и Сиддхартхи Гаутамы.

Джайнское учение. Значение, которое джайны придают ненасилию, объясняется особым отношением к кармическому закону: любое убийство, даже случайное, становится серьезным препятствием на пути к достижению кармической чистоты. По этой причине благочестивые джайны закрывают повязкой нижнюю часть лица, чтобы случайно не вдохнуть и, следовательно, убить самых маленьких насекомых. С этой же целью при ходьбе они специальной метелкой расчищают перед собой дорогу. Кроме того, все джайны придерживаются строгой вегетарианской диеты. Растения, конечно, тоже считаются живыми существами, но употребление некоторых видов влечет за собой особенно неблагоприятные кармические последствия, поэтому джайны исключают их из своего рациона. Джайнские монахи, соблюдающие большее количество запретов, нежели миряне, доводят идеал ахимсы до логического конца: они завершают свою жизнь, отказываясь от любой пищи.

Буддизм. Буддийский идеал ахимсы (даже в том виде, в каком ему следуют монахи) не столь ригористичен, как джайнский. Для буддистов намерение важно в той же степени, что и деяние. Поэтому традиционные буддийские учения говорят о пяти необходимых условиях, каждое из которых должно наличествовать, дабы человек был признан виновным в отнятии чужой жизни: 1) объект деяния непременно должен быть живым; 2) убийца должен знать, что объект действительно является таковым; 3) убийца должен иметь намерение убить; 4) должен произойти сам факт убийства; 5) объект деяния обязательно должен умереть.

Запрет на отнятие чужой жизни в буддизме может быть смягчен, если деяние можно охарактеризовать в соответствии со всеми условиями, кроме третьего. Например, многие буддисты будут есть мясо до того момента, пока у них не появится намерение убить животное, предназначенное в пищу, или они сами будут участвовать в процессе убийства этого животного. Использование оружия для защиты — даже на войне — всегда оправдывалось на том основании, что этот вид насилия считается реакцией на чужое деяние, а не происходит из личного намерения. Однако, буддизм запрещает насильственные действия в целях военно-политической экспансии. Вероятно, именно по этой причине Ашока, один из величайших правителей-буддистов, начинает следовать идеалу ненасилия только после завершения серии кровопролитных войн. В первой половине III в. до н.э. он расширяет свое изначально небольшое царство (территория современного штата Бихар) за счет завоевания большей части полуострова Индостан. Только оказавшись на вершине могущества, Ашока превращает принцип ненасилия в одну из основ своего правления. Даже в современных буддийских странах, например — в Таиланде, где монархия является одновременно религиозным и политическим институтом, существуют определенные расхождения между необходимостью подчиняться требованиям политической власти и следованием принципу ненасилия. В странах вроде Китая или Японии, где буддизм входил в тесное соприкосновение с местными религиозными традициями, самые строгие предписания соблюдаются только

монахами, в политической же практике для оправдания насильственных методов можно прибегнуть к другим учениям (конфуцианству или синтоизму). Китайская культура оказалась восприимчивой к буддистскому идеалу ненасилия во многом благодаря тому, что местные философские традиции разрабатывали схожие идеи. Даосская концепция *у-вэй* (букв. «недеяние») созвучна идеалу мирного, не агрессивного существования, предполагаемого понятием «ахимса».

Ненасилие в средневековой и современной Индии. После возникновения буддизма (и во многом благодаря его влиянию) концепция ненасилия становится весьма популярной среди индусов; при этом она оказывается в тесной связи с двумя важными практиками: вегетарианством и почитанием коровы. Некоторые исследователи полагают, что почитание коровы представляет собой рудимент древней индийской религии богини природы. Однако в более поздней, собственно индуистской интерпретации почитание коровы символизирует бережное отношение ко всем живым существам, то есть ненасилие. Тем не менее, вопреки популярности этой концепции политическая история Индии в основном повествует о деяниях правителей-воинов, принадлежащих, как правило, к воинскому сословию (*кшатрия*), главной добродетелью которого (*дхарма*) считалась доблесть в бою.

Ненасилие в политическую сферу впервые привносит Мохандас Ганди (1869-1948). Совмещая ненасилие с традиционными формами протеста (*дхарна* — всеобщая стачка), Ганди превращает движение ненасильственного несотрудничества в мощный политический инструмент. Ганди использовал ненасилие таким же образом, как оно традиционно применялось в индийских деревенских советах (*панчаят*) при выработке решений, устраивающих всю общину. Это позволило ему создать совершенно новый метод разрешения конфликтов, который он назвал *сатьяграха* («истинная сила»). Этим словом он обозначал как свою борьбу за независимость Индии, так и способ улаживания разногласий в повседневной жизни.

Ганди настаивал на абсолютной значимости ненасилия, при этом допуская определенные исключения. Насилие оправдывалось, если оно применялось для того, чтобы препятствовать нападшему разбойнику или насильнику; убийство разрешалось, если его целью становилось дикое животное или человек со злыми намерениями, несущие вред и угрозу сельской общине. Ганди не скрывал, что предпочитает насилие трусости и что борьба за истину для него важнее, чем строгое следование идеалу ненасилия. Тем не менее, Ганди считал ненасилие одним из способов поиска истины. С его точки зрения, любая форма принуждения или запугивания считается насилием, которое следует презирать.

Насилие в индуизме и сикхизме. Устойчивость насильственных установок в общественной жизни Индии является лучшим свидетельством того, что методы Ганди были приняты далеко не единогласно даже в его родной стране. Возглавляемое Ганди движение за независимость Индии так или иначе допускало насильственные акты. Имеются в виду действия бенгальских националистов, вдохновляемых образом Дурги — богини, которой приписывали огромную разрушительную силу. После обретения независимости Индии воинствующие индуисты совершали вооруженные нападения на своих старых мусульманских противников. Подобное нападение стоило жизни даже самому Ганди (1948 г.).

Убийство премьер-министра Индии Индиры Ганди в 1984 году также имело религиозную подоплеку. Госпожа Ганди была убита членом общины сикхов в ответ на то, что она санкционировала ввод войск на территорию сикхского Золотого храма. Однако, основы учения сикхизма вовсе не призывают к насилию: биографии духовных наставников XVI и XVII вв., считающихся основателями этой религии, изображают настолько мягкие характеры, что сам Махатма Ганди, по его собственному признанию, постоянно вдохновлялся ими. Однако, со временем сикхизм распространился среди воинственной этнической группы джатов; позднее сикхи втягиваются в кровавые столкновения с моголами, британцами и другими индийскими

правителями. Ядром общины сикхов считается так называемое «войско верных», символом которого является обоюдоострый меч.

Библейский иудаизм. Западные религиозные традиции в не меньшей степени, нежели восточные, оказываются склонны комбинировать насильственные и мирные образы божественного. Как и в индийских религиях, чем древнее образ божества, тем более воинственным он оказывается. «Господь муж брани» сказано в Исх. 15:3. Бог бескомпромиссно истребляет своих врагов, что наглядно демонстрирует, сколь яростным воителем Он мог представляться своим почитателям.

В более поздних произведениях древнееврейской религиозной литературы этот образ приобретает более мирные черты, а некоторых отрывках о воинственности и военной атрибутике и вовсе говорится с пренебрежением (см. Пс. 19, 29, 32, 146; Ис. 30). Так, например, царь Давид недостойн строить Храм в Иерусалиме, поскольку в прошлом он пролил много крови (1 Пар. 28:2-3). Пророческие видения, описывающие как народы в будущем «перекуют мечи свои на орала, и копья свои — на серпы» (Ис. 2:4) и «не будут более учиться воевать» (Мих. 4:3), являются одними из самых ярких выражений пацифизма, которые только можно найти в религиозной литературе мира.

Еще более убедительно выглядит возрастающая частота упоминания слова «мир» (евр. *shalom*), которое чаще всего встречается в пророческой литературе — особенно в книгах Исайи и Иеремии. Этот термин обозначает не только противоположность войне, но и господство духа благополучия и гармонии. Таким образом, древнееврейский *шалом* в чем-то подобен индийской *ахимса*, особенно — в смысле отсутствия агрессивных намерений.

Раввинистический и современный иудаизм. Развитие концепции *shalom* продолжается в текстах Вавилонского Талмуда. Кроме того, здесь же разрабатывается ряд этических ограничений применения насилия. В межличностных отношениях ненасилие приветствуется даже тогда, когда агрессивная реакция провоцируется специально. Если кто-то на вас нападает, то некий живший в IV веке раввин[2] советует: «пусть ты будешь убит, но не

убивай его» (Псахим, 25b). На государственном уровне ведение военных действий допускается, но при этом раввины различают войны «религиозные» и «прочие». Первые ведутся в силу морального или религиозного долга — чтобы защитить веру или сокрушить врагов Господа. Все это противопоставляется войнам ради расширения политического влияния; подобные конфликты оправданы только в том случае, если причиной их служат благородные цели.

В течение раввинистического периода иудейские общины занимались разработкой способов самозащиты и сопротивления — индивидуального и коллективного. Конфронтация с римскими властями предполагала не только вооруженную борьбу (вроде восстания Маккавеев (166-164 гг. до н.э.) против господства Селевкидов), но и ненасильственный протест. Примером последнего может послужить сопротивление евреев всем попыткам императора Калигулы установить в Иерусалимском Храме собственную статую в образе Зевса в 40 г. н.э. Хотя оборона восставшими иудеями крепости Масада в 73 г. н.э. и является примером насильственных действий, это событие также свидетельствует и о высокой степени религиозной солидарности, нашедшей выражение в акте массового самоубийства защитников. Во время восстания Бар Кохбы (132-135 гг.) мы также встречаем примеры пассивного сопротивления, одним из проявлений которого является мученичество за веру.

Концепция мученичества (*киддуш ха-шем* — «освящение имени [Бога]») фундаментальна для еврейской традиции ненасильственного сопротивления. Понятие *киддуш ха-шем* означает, что человек, почитающий божественную волю, должен оставаться непоколебимым в ее свидетельстве ценой собственной жизни. Наиболее авторитетные раввины II в. н.э. определили три греха, которых следует избегать даже под угрозой смерти: идолопоклонство, нечистота и убийство. В более широком смысле от иудея требуется пожертвовать жизнью всякий раз, когда его вынуждают отречься от основ его веры.

Во времена политических преследований иудеи, не взирая на опасность для жизни, оказывали героическое сопротивление и исповедовали свою веру,

вдохновляясь идеалом *киддуш ха-шем*. Хорошим примером может послужить деятельность испанской инквизиции во второй половине XV века. В это время иудеи, понуждаемые к принятию христианства, продолжали втайне исповедовать иудаизм, фактически подвергаясь гонениям за попытки ненасильственного сопротивления. В XX веке, в условиях политики нацистского геноцида, евреи применяли методы как вооруженного, так и ненасильственного сопротивления. Самый распространенный способ реагирования на действия нацистов, особенно среди ортодоксальных иудеев, как раз и предполагал *киддуш ха-шем*: евреи встречали своих врагов исполненные достоинства и веры, предпочитая смерть малейшей уступке своим мучителям.

Раннее христианство. Мученичество также являлось одной из характерных черт раннего христианства. Отчасти это объяснялось тем, что акт мученичества уподоблялся искупительной жертве Иисуса. Однако, даже среди современных христиан существуют разногласия по поводу того, должен ли каждый член христианской общины реализовывать идеал жертвенной любви Христа (*аганэ*) в самых крайних его проявлениях? Те, кто действительно считал так, ожидали, что обещанное Евангелиями мирное царство Божье создается непосредственно в этом мире. Поэтому сторонники этой идеи буквально воспринимали призыв Иисуса к ненасильственному решению всех распрей: «любите врагов ваших, благословляйте проклинающих вас» (Мф. 5:44).

Ранние отцы церкви, включая Тертуллиана и Оригена, утверждали, что христианам запрещено отнимать человеческие жизни. На этом основании христиане отказывались служить в римской армии, чему препятствовало также и то, что легионеры должны были приносить обязательную присягу перед императорскими богами. Последнее обстоятельство христиане рассматривали как идолопоклонство.

Когда в IV веке император Константин фактически превращает христианство в государственную религию, представления о ненасильственном существовании претерпевают серьезные изменения и, кроме того, начинает

создаваться концепция справедливой войны. Эта идея, предложенная Цицероном и много времени спустя развитая Амвросием Медиоланским и Августином, оказала огромное влияние на социальную мысль христианства. Однако, она довольно быстро морально дискредитировала себя, поскольку ей оправдывались сомнительные военные авантюры и жесточайшие преследования религиозных (главным образом, еретиков) и других меньшинств. В конце концов, в XIII веке Фома Аквинский был вынужден утверждать, что любая война греховна, даже если иногда она ведется по справедливой причине.

Пацифистские христианские движения. Периоды среднего и позднего средневековья отмечены возникновением сразу нескольких «пацифистских» движений ориентированных на этику любви в том виде, в каком Иисус дал ее в Нагорной проповеди. Одной из первых групп этого толка оказалась община вальденсов во Франции и Северной Италии. Ее основатель Пьер Вальдо в 1170 г. посвятил себя жизни в бедности и простоте; при этом он навсегда отказался брать в руки оружие. Несмотря на то, что Вальдо был отлучен от церкви, он, по всей видимости, оказал определенное влияние на молодого Франциска Ассизского. Основанный Франциском монашеский орден со временем усвоил многие положения учения Вальдо. Схожие идеи проповедовались в XIV веке в Англии Джоном Уиклифом и его последователями лоллардами. В следующем столетии участники движений гуситов и таборитов в Чехии также провозгласили отказ от всех форм насилия, что впоследствии сделали и их преемники — моравские братья.

Реформация в Германии послужила новым стимулом для всех несогласных с компромиссным отношением Католической Церкви к так называемой политической необходимости применения военной силы. В первой половине XVI в. от цвинглианской ветви швейцарской реформации откалываются анабаптисты. Причиной разногласий были вопросы практиковавшимися анабаптистами крещения в сознательном возрасте и радикального пацифизма. В конце этого же столетия аналогичное учение

начинает исповедовать Менно Симмонс и его голландские последователи. По трагической иронии судьбы многие анабаптисты и меннониты преследовались представителями других протестантских направлений как еретики и приговаривались к сожжению именно за свой пацифизм.

Вероятно, самым известным протестантским пацифистским движением является общество Друзей (квакеры), основанное в Англии в 1649 году Джорджем Фоксом. Ненасильственная этика этого радикального пуританского движения основана на представлении о том, что в каждом человеке есть искра божественной природы, что делает любую жизнь священной. Именно по этой причине колониальный лидер Уильям Пенн, квакер по исповеданию, отказался использовать оружие в своих конфликтах с американскими индейцами, что в итоге позволило ему основать мирное поселение, поддерживавшее добрые отношения с аборигенами.

Некоторые христианские пацифистские движения XIX и XX веков (например, Свидетели Иеговы), обязаны своим существованием активной деятельности предшествующих групп и течений, о которых мы рассказали выше. Другие же вдохновлялись традициями западного гуманизма и восточных пацифистских учений. Особенно большой популярностью в XX веке пользовались идеи Мохандаса Ганди. На самого же Ганди большое влияние оказали именно христианские пацифисты, включая русского писателя и мыслителя Льва Толстого, и христианские социальные активисты американцы Кирби Пэйдж, Кларенс Марш Кейс и Абрахам Мюст. Самая большая пацифистская христианская организация современности — Союз поборников примирения (Fellowship of Reconciliation) — была основана в Англии в 1914 г. После двух мировых войн призывы к ненасилию озвучили также Ватикан и Всемирный совет церквей. В США середины XX столетия христианские пацифистские идеи играли существенную роль в ненасильственном движении Мартина Лютера Кинга за расовое равноправие, в движении против участия Америки во Вьетнамской войне и в борьбе против увеличения ядерных арсеналов мировых лидеров. Однако, призывы к ненасилию со стороны так

называемых христианских «ядерных пацифистов» фактически сводятся к запрету применения ядерного оружия. С точки зрения этой группы, разрушительная мощь этого вида оружия попирает все традиции вооруженной защиты в ходе «справедливой войны».

Ислам. В исламе концепция ненасилия не разрабатывалась столь же тщательно, как в других религиозных традициях, однако мы все-таки можем провести определенные параллели. Например, мусульманская концепция мира – *салам* – играет ту же роль, что и *шалом* в иудаизме: она представляет идеал гармоничного социального существования. То есть при решении конфликтов исламские общины уделяют особое внимание рассудительности и посредничеству, дабы внутриобщинные разногласия не перерастали столкновения с применением насилия.

Однако, в определённых обстоятельствах исламский закон позволяет использование насильственных методов: внутри общины это означает наложение суровых наказаний (вплоть до смертной казни), а за ее пределами – победа над врагами веры. Второе значение принято связывать с термином *джихад*, который буквально означает «усилие» и часто переводится как «священная война». Концепция *джихада* использовалась для оправдания захвата мусульманскими владыками неисламских территорий. Однако, с точки зрения мусульманского права, *джихад* не предполагает и не оправдывает насильственных методов обращения в ислам; правомерными признаются только те случаи принятия ислама, которые произошли ненасильственно — вследствие разумного убеждения или «перемены сердца». По этой причине к немусульманскому населению в исламских странах всегда относились терпимо. Например, часто отмечается, что положение еврейских общин в мавританской Испании было более комфортным, чем при последующем владычестве христианских монархов.

Последователи мусульманского мистицизма (суфии) периодически выступали против традиционных трактовок *джихада*. В суфизме этот термин применялся, главным образом, для обозначения внутренней борьбы («великий

джихад») добра и зла, идущей внутри каждого человека. Более того, в исламе существовали чисто пацифистские направления — Мазийария и Ахмадия. В XX веке проживающие на северо-западе Индии мусульмане-пуштуны, направляемые соратником Ганди Абдулом Гаффар-ханом, предприняли ненасильственную кампанию за независимость от британского владычества. При подобных обстоятельствах мусульмане предпочитали использовать методы ненасильственного несотрудничества и свидетельства веры даже под угрозой смерти — то есть той формы мученичества, которую мы можем обнаружить в иудейской и христианской традициях.

Библиография

Общий обзор концепций ненасилия в крупнейших религиозных традициях мира см. в Ferguson, John. *War and Peace in the World's Religions* (New York, 1977). О способах практического применения ненасильственных методов в решении религиозных конфликтов см. Cregg, Richard B. *The Power of Non-Violence* (Philadelphia, 1934) in *The Quiet Battle: The Writings on the Theory and Practice of Nonviolence*, (Chicago, 1963) edited by Mulford Q. Sibley, а также Sharp Gene. *The Politics of Nonviolent Action*, 3 vols. (Boston, 1973-1980).

Другие работы посвящены конкретным религиозным традициям. О концепции *ахимса* в Древней Индии см. Brown Norman W. *Man in the Universe: Some Continuities in Indian Thought*. (Berkeley, 1966); в раннем буддизме см. Ruegg David S. "Ahimsa and vegetarianism in the History of Buddhism" in *Buddhist studies in Honour of Walpola Rahula*, edited by Somaratna Balasooriya et al. (London, 1980); в джайнской традиции см. Jaini Padmanabh S. *The Jaina Path of Purification* (Berkeley, 1979).

Дальнейшее развитие *ахимсы* в буддизме описано в книгах King Winston L. *In the Hope of Nibbana: An Essay on Theravada Buddhist Ethics* (LaSalle, Ill., 1964) и Tambiah Stanley J. *World Conqueror and World Renouncer: A Study of Buddhism and Polity in Thailand against a Historical Background* (Cambridge,

1976). Ненасильственные методы Махатмы Ганди описываются в Bondurant Joan. *Conquest of Violence: The Gandhian Philosophy of Conflict* (Princeton, 1958) и в моей книге *Gandhi's Way: A Handbook of Conflict Resolution* (Berkeley, Calif., 2003).

Библейским концепциям ненасилия посвящена книга Dakin Martin D. *Peace and Brotherhood in the Old Testament* (London, 1956). Ненасилие в раввинистической мысли рассматривается в нескольких работах, среди которых стоит отметить Glatzer Nahum N. "The Concept of Peace in Classical Judaism" в его книге *Essays in Jewish Thought* (University, Ala., 1978) и Neher Andre. "Rabbinic Adumbrations of Non-Violence", in *Rationalism, Judaism, and Universalism*, edited by Raphael Loewe (London, 1966). Иудейский отклик на деятельность Ганди в период Второй мировой войны опубликован в Magnes Judah L. "A Letter to Gandhi" in *Modern Jewish Thought: A Source Reader*, edited by Nahum N. Glatzer (New York, 1977).

Полезным источником по концепциям ненасилия в христианстве является книга *War and the Christian Conscience: From Augustine to Martin Luther King, Jr.*, edited by Albert Marrin (Chicago, 1971), а также замечательная серия кратких очерков, опубликованная в книге Nuttal Geoffrey. *Christian Pacifism in History* (Oxford, 1958).

Превосходный обзор обсуждения ненасилия в современной христианской этике можно найти в книгах Childress James F. *Moral Responsibility in Conflicts* (Baton Rouge, 1982) и Miller Robert William *Nonviolence: A Christian Interpretation* (London, 1964).

Мусульманский взгляд на ненасилие представлен в Khadduri Vajid. *War and Peace in the Law of Islam* (Baltimore, 1955). Комментарии на высказывания авторитетов мусульманского права о мире и ненасилии см. в Schroeder Eric. *Muhammad's People*. (Portland, Maine, 1955).

Проектная работа Центра

ПРОЕКТ «Адаптационная программа для первокурсников по укреплению гражданской идентичности и межнационального согласия»

Описание проекта и его актуальность

В крупных городах обучается большое количество студентов из разных регионов, которые часто объединяются между собой по этническому или религиозному признаку. У студентов формируется достаточно сильная групповая идентичность – соотнесение себя с группой и принятие ее ценностей, присущего ей мироощущения. Такая идентичность часто способствует обособлению студентов от остальной части молодежи, что может приводить к возникновению конфликтов в процессе общения со студентами, имеющими другую ментальную и культурную идентичность. В этой связи актуальными задачами воспитательной работы с молодежью становятся социализация и адаптация студентов из разных регионов с целью недопущения конфликтов на национальной и религиозной почве.

Для реализации этих задач целесообразно развивать гражданскую идентичность, которая представляет собой отождествление молодого человека не только с конкретной национальной или религиозной группой, а с обществом в целом, когда принимаются язык, ментальность, картина мира, социокультурные ценности и нормы поведения, принятые в государстве. Гражданская идентичность становится основой социальной интеграции молодежи в студенческую среду. Ее формирование рассматривается как одно из ключевых условий профилактики идеологии экстремизма и терроризма. Наиболее релевантной группой для формирования гражданской идентичности, адаптации и интеграции в студенческую среду являются первокурсники, поскольку они только вступают в новую для себя социальную среду и еще не идентифицируют себя с ней.

Адаптационная программа состоит из цикла лекций, посвященных проблемам межнациональных отношений в РФ, особенностям общероссийской гражданской идентичности, первичным представлениям об идеологии экстремизма и методам ее профилактики, а также тренинговых упражнений, направленных на развитие общероссийской гражданской идентичности и коммуникативных компетенций студентов. Продолжительность программы – 1 день.

Цели проекта:

1. Адаптация и социализация молодежи из различных регионов.
2. Интеграция молодежи различных национальностей в студенческую среду.
3. Развитие у студентов общероссийской гражданской идентичности.
4. Повышение компетентности молодежи в сфере межнациональных отношений и профилактики идеологии экстремизма.

Задачи проекта:

1. Разработка и реализация адаптационной программы (лекции и тренинг) для первокурсников по укреплению гражданской идентичности и межнационального согласия.
2. Формирование у студентов первых курсов вузов РФ знаний об особенностях межнациональных отношений в РФ, видах, проявлениях и последствиях экстремизма, способах профилактики экстремизма, технологиях вовлечения молодежи в экстремистские движения и организации.
3. Знакомство первокурсников с культурой различных народов, проживающих на территории России.
4. Развитие коммуникативной компетентности студентов первых курсов.

Целевая аудитория

Целевой аудиторией проекта являются студенты первых курсов высших и средних специальных учебных заведений России.

Планируемые результаты

Главным итогом реализации проекта станет формирование и укрепление общероссийской гражданской идентичности в студенческой среде, развитие коммуникативных навыков и повышение уровня компетенций в области межнациональных отношений.

Индикаторы оценки эффективности

Количественные показатели эффективности реализации проекта:

- количество студентов, участвующих в программе
- количество вузов, в которых реализуется проект
- количество регионов, охваченных в рамках реализации проекта

Качественные показатели эффективности реализации проекта:

- формирование и развитие у студентов гражданской идентичности
- развитие коммуникационных навыков и навыков разрешения межэтнических конфликтных ситуаций
- повышение уровня знаний и компетенций у студентов в области межнациональных отношений и профилактики экстремизма.

План-график реализации проекта

№ п/п	Мероприятие	Сроки
1.	Разработка адаптационной программы (лекция, тренинг)	2 месяца
2.	Реализация пилотного проекта в одном из вузов РФ	3 месяца
3.	Оценка результатов пилотного проекта	2 месяца
4.	Доработка адаптационной программы (по необходимости)	1 месяц
5.	Реализация адаптационной программы в вузах РФ	
6.	Оценка эффективности программы	весь период реализации проекта

Проектная команда:

Разработка программы (лекция, тренинг):

- специалисты Центра, эксперты (3-4 чел.)

Реализация программы:

- специалисты Центра (3-4 чел.)
- сотрудники вузов, участвующих в проекте

ПРОЕКТ Повышение квалификации работников высшего образования по направлению «Профилактика этнического и религиозного экстремизма в образовательной среде»

Описание проекта и его актуальность

Актуальность реализации проекта обусловлена тем, что, по официальным данным, подавляющее число этно-религиозных конфликтов возникает в молодежной среде, чаще всего среди студентов из различных субъектов Российской Федерации. Между тем, далеко не все преподаватели имеют ясное понимание сложившейся ситуации и не владеют инструментарием по решению конфликтных ситуаций и профилактике их возникновения. Существующие формы работы носят несистемный и разрозненный характер. А работа, которая ведется, требует обобщения и грамотного научного осмысления и сопровождения.

Реализация проекта представляется наиболее эффективной при условии, что Центр вступает разработчиком Программы (обеспечивая ее научное и методическое наполнение), а вузы адаптируют данную программу и реализуют ее, исходя из этнокультурных особенностей региона, а также координируют системность и плановость работы на месте. Это позволит реализовать проект по сетевому принципу и выстроить систему взаимодействия экспертного сообщества (в лице Центра) с непосредственной целевой аудиторией (преподавателями вузов).

Цели проекта

1. Формирование новых профессиональных компетенций у преподавателей вузов РФ в сфере профилактики экстремизма.
2. Повышение уровня теоретических и практических знаний специалистов системы образования в области межэтнических отношений.

Задачи проекта

1. Разработка и утверждение Программы повышения квалификации для преподавателей вузов, направленной на:

- формирование знаний по основным причинам и формам проявления экстремизма в молодежной среде, а также по нормативно-правовой базе противодействия экстремизму;
- изучение инструментов методов профилактики и предупреждения экстремизма;
- развитие компетенций в области распознавания различных форм деструктивного поведения молодежи;
- развитие компетенций в области разработки проектов по профилактике экстремизма в молодежной среде.

Целевая аудитория

Целевой аудиторией проекта являются преподаватели и специалисты системы высшего и среднего профессионального образования.

Планируемые результаты

1. Формирование у педагогов способности к реализации в образовательном процессе задач по воспитанию уважения к истории, традициям и культуре различных народов и этносов.
2. Готовность педагогов к предотвращению и профилактике экстремизма, защите прав национальных меньшинств, сохранению культурного наследия, развитию взаимодействия различных этнических групп на основе взаимного уважения.

Индикаторы оценки эффективности

Количественные показатели эффективности реализации проекта:

- число регионов, участвующих в реализации проекта
- количество вузов, в которых реализуется проект
- количество обучающихся

Качественные показатели эффективности реализации проекта:

- формирование новых компетенций у преподавателей (в сфере профилактики этнического и религиозного экстремизма)
- развитие навыков предотвращения и разрешения межэтнических конфликтных ситуаций в студенческой среде

- использование преподавателями полученных знаний, умений и навыков в рамках формирования межнационального взаимодействия в студенческой среде

План-график реализации проекта

№ п/п	Мероприятие	Сроки
1.	Разработка и утверждение Программы повышения квалификации	2 месяца
2.	Апробация программы в одном из вузов г. Москвы	3 месяца
3.	Доработка Программы с учетом результатов апробации	1 месяц
4.	Реализация Программы повышения квалификации в вузах РФ	В течение 2019-2020 гг.
5.	Оценка эффективности Программы	Весь период реализации

Общая продолжительность программы - 72 часа.

из них:

- аудиторная работа – 36 часов
- самостоятельная работа в рамках очного модуля – 36 часов (в т.ч. освоение рекомендованной литературы, подготовка к практическим занятиям).

Проектная команда

- эксперты
- методисты
- преподаватели курса повышения квалификации
- сотрудники вузов, участников проекта.

ПРОЕКТ «Интеллектуальная молодежная ролевая игра “Пятый элемент”»

Описание проекта и его актуальность

Россия является многонациональным государством. В настоящий момент на ее территории проживает более 190 народов. Каждый народ имеет свои национальные традиции и культуру. В крупных городах проживает и обучается большое количество молодежи представителей различных национальностей и культур. В такой социальной среде нередко возникают конфликтные ситуации в т. ч. и на межнациональной почве. Поскольку обучающаяся молодежь большую часть времени проводит в образовательной организации, то нередко именно там происходит возникновение и развитие данных конфликтов. В этой связи, важно налаживание межнационального и межкультурного диалога, развитие коммуникаций на основе взаимного уважения и формирование общероссийской гражданской идентичности в студенческой среде.

Организация и проведение интеллектуальной молодежной ролевой игры «Пятый элемент» с обсуждением и поиском решений различных социальных проблем и вопросов, позволит объединить молодежь и вовлечь ее в процесс совместной позитивной деятельности. Палитра тем может в т.ч. затрагивать такие вопросы как выбор жизненного пути, социализация и взаимодействие с сообществом, жизненные цели и выбор адекватных средств для их достижения, конфликты и способы их разрешения, межнациональное и межкультурное взаимодействие, ответственность за свои действия и их влияние на окружающую социальную среду, патриотизм, гражданская ответственность и защита интересов государства, общероссийская гражданская идентичность и межнациональные отношения и т.д.

Игра проводится в формате ток-шоу с приглашением известных общественных деятелей (ученых, спортсменов, режиссеров, актеров, музыкантов и т.д.). Среди студенческой аудитории выбираются участники команд, каждый из которых отвечает за свое направление «власть» «общество» «бизнес» и «СМИ». Это 4 элемента/стихии, которые в рамках своих направлений должны предложить решение проблемной ситуации. Пятым элементом выступает приглашенный гость, который выступает в качестве капитана команды. Ведущий, в рамках проведения игры, предлагает двум командам различные вопросы и проблемные ситуации, комплексное решение которых необходимо предложить командам в отведенное для обсуждения время. Капитаны команд озвучивают финальный ответ/решение, которое

оценивается аудиторией путем голосования. Побеждает команда, набравшая большее количество очков. После завершения игры, мероприятие может перейти в формат творческой встречи с приглашенными известными общественными деятелями с обсуждением различных тем в формате вопрос-ответ.

Реализация проекта будет способствовать объединению студентов путем вовлечения их в обсуждение, дискуссию и поиск решений различных проблемных ситуаций и вопросов (в рамках определенного тематического плана). Это позволит в ненавязчивой форме вовлечь молодежь в обсуждение в т. ч. проблем, связанных с экстремизмом, межнациональными отношениями и межкультурной коммуникацией в студенческой среде. Также, дискуссионный формат игры будет способствовать развитию навыков публичных выступлений, умению аргументировать свое мнение и вести диалог на принципах взаимного уважения, воспринимать и оценивать мнение других участников и т.д. Участие в игре известных общественных деятелей и лидеров мнений, отстаивающих традиционные ценности и имеющих гражданско-патриотическую позицию, даст возможность сформировать или скорректировать мнение студенческого сообщества по широкому кругу вопросов и тем. Приглашение, например, профессиональных спортсменов в т. ч. покажет положительный живой пример ведения здорового образа жизни и т.д.

Все это позволит привлечь внимание студенческого сообщества к ряду актуальных тем и вовлечь аудиторию в обсуждение проблем, связанных с межнациональным и межкультурным взаимодействием, проявлениями экстремизма, участием в деструктивной деятельности и т.д. а также предложить сформулировать способы решения вышеуказанных проблем и методы профилактики подобных явлений в студенческой среде. Проведение подобных мероприятий также даст обратную связь со студенческой средой и определить ее мнение по ряду вопросов.

Цели проекта:

1. Инициировать в молодежной среде обсуждение и поиск решений различных социальных проблем в т. ч. в сфере межкультурной коммуникации представителей различных национальностей в рамках образовательного процесса.
2. Вовлечь молодежь в процесс совместной позитивной деятельности.

Задачи проекта:

1. Формирование понимания важности межнационального и межкультурного диалога и согласия между народами, населяющими нашу страну.

2. Обсуждение и инициирование дискуссии по теме экстремизма, межнациональных отношений, укрепления общероссийской гражданской идентичности, межкультурной коммуникации и т.д.

3. Развитие навыков ведения дискуссии и аргументации в рамках обсуждения различных социальных проблем в т. ч. экстремизма

4. Формирования у молодежи понимания важности взаимодействия с сообществом и участия в позитивной совместной созидательной деятельности с избеганием агрессивных экстремистских и радикальных поведенческих сценариев.

Целевая аудитория

Целевой аудиторией проекта являются студенты высших учебных заведений России.

Планируемые результаты

Главным итогом реализации проекта станет формирование в студенческой среде понимания важности межнационального и межкультурного диалога и формирования общероссийской гражданской идентичности, развитие навыков дискуссии, аргументации и межличностных коммуникаций.

Индикаторы оценки эффективности

Количественные показатели эффективности реализации проекта:

- количество студентов, участвующих в проекте
- количество вузов, в которых реализуется проект
- количество регионов, охваченных в рамках реализации проекта

Качественные показатели эффективности реализации проекта:

- повышение уровня знаний и компетенций у студентов в области межнациональных отношений и профилактики экстремизма

- повышение уровня компетенций в рамках ведения дискуссии и аргументации в процессе обсуждения проблем экстремизма и радикализма, межнационального и межкультурного взаимодействия

- формирование понимания важности личностного развития и участия в позитивной созидательной деятельности

Профилактика экстремизма в системе образования

Сборник материалов Центра профилактики религиозного
и этнического экстремизма в образовательных организациях
Российской Федерации

Выпуск 3

Редакционная подготовка: *А. А. Алексеева,*
Н. С. Скоморохова